

Отец, Арсений

Сборник
Отец Арсений

Православное издательство "Сатисъ"

2004

Сборник

Отец Арсений / Сборник — Православное издательство "Сатись",
2004

ISBN 5-7373-0108-7

Эта книга – одна из «жемчужин самиздата», а также одно из самых любимых и известных произведений в православном мире, ярко и образно показывает нам жизнь наших соотечественников-христиан во времена гонений и богоборчества. Главный герой книги – иерей Арсений, не только сам сохраняет веру и верность Христу в нечеловеческих условиях ГУЛАГа, но и помогает обрести веру многим и многим из окружающих его, а, оказавшись на свободе, до самой своей кончины окормляет множество своих духовных чад. Воистину сказал преподобный Серафим Саровский: «Спасись сам, и вокруг тебя спасутся тысячи!»

ISBN 5-7373-0108-7

© Сборник, 2004
© Православное издательство
"Сатись", 2004

Содержание

Предисловие	6
Часть первая	8
Лагерь	8
Барак	10
Больные	13
Попик	17
«Прекратите сие»	21
Вызов майора	23
Жизнь идет	27
Спешите делать добро	28
«Где двое или трое собраны во имя мое»	29
Надзиратель справедливый	34
«Матерь Божия! Не остави их!»	35
Михаил	41
«Ты с кем, поп?»	44
Сазиков	48
Исповедь	49
«Не оставлю тебя»	51
Этап	53
«Остановитесь!»	55
Радость	56
Жизнь продолжается	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Отец Арсений

© Издательство «Сатисъ», оригинал-макет, оформление, 2004

Предисловие

В последние годы появилось много воспоминаний о жизни политических заключенных во времена «культы личности».

Пишут ученые, военные, писатели, старые большевики, интеллигенты самых разных профессий, рабочие, колхозники. Пишут о своей жизни в лагерях и тюрьмах, о допросах, но никто еще не рассказал нам о миллионах верующих, погибших в этих лагерях, тюрьмах или переживших небывалые страдания на допросах.

Они страдали и умирали за свою веру, за то, что не отреклись от Бога и, умирая, славили Его, и Он не оставлял их.

«Положить печать на уста своя» – значит предать забвению страдания, муки, подвижнический труд и смерть этих мучеников, пострадавших Бога ради и нас, живущих на земле.

Не забыть, а рассказать должны мы об этих страдальцах, это наш долг перед Богом и людьми.

Лучшие люди Русской Православной Церкви погибли в это трудное время: иереи и епископы, старцы, монахи и просто глубоко верующие люди, в которых горел неугасимый огонь веры, по силе своей равный, а иногда и превосходящий силу веры древних христиан-мучеников.

В этих воспоминаниях предстает пред нами один, только один из многочисленных подвижников. А сколько было их, погибших за нас!

Двадцать веков копило человечество знания, христианство принесло Свет и Жизнь людям, но в двадцатом веке люди отобрали из арсенала знаний только зло и, помножив на достижения науки, доставили миллионам людей величайшие и длительнейшие страдания и мучительную смерть. Господь привел меня пройти малую часть лагерного пути с отцом Арсением, но и этого было достаточно, чтобы обрести веру, стать его духовным сыном, пойти путем его, понять и увидеть его глубочайшую любовь к Богу и людям, и познать – что такое настоящий христианин.

Прошлое не должно быть утеряно, на прошлом, как на фундаменте, утверждается новое, поэтому сообщить, что мне удалось узнать о жизненном пути о. Арсения, я посчитал своим долгом.

Для того чтобы собрать драгоценные сведения об о. Арсениии, мне пришлось обратиться к памяти его духовных детей, письмам, когда-то написанным им друзьям и духовным детям, и воспоминаниям, написанным людьми, знавшими его.

Духовные дети о. Арсения были многочисленны, и там, где поселял его Господь, появлялись они вокруг него, был ли это город, где он, ученый-искусствовед, принял иерейство и организовал в полузабытом приходе общину, деревня, где он был в ссылке, затерянный в бескрайних лесах Севера маленький городок, или страшный лагерь «особого режима».

Интеллигенция, рабочие, крестьяне, уголовники, политические заключенные – старые большевики, работники органов, соприкасаясь с ним, становились его духовными детьми, друзьями, верующими и шли за ним. Да! Многие, узнав его, шли за ним.

Каждый, знавший о. Арсения, рассказывал мне, что он видел и знал о нем.

Встречаясь с о. Арсением, я старался узнать о его жизни, но, хотя он вел со мною много бесед, о себе рассказывал мало. Кое-что мне удалось записать еще при его жизни, и, давая ему на просмотр записки, я спрашивал: «Так ли это было?» и он всегда говорил мне: «Да, было», – но обязательно добавлял: «Господь всех нас водил по многим дорогам, и у каждого человека, если внимательно присмотреться к его жизни, есть много достойного внимания и описания. Моя жизнь, как и каждого живущего, всегда переплеталась или шла рядом с жизнью других людей. Много было всего, но все и всегда было от Господа».

Часто по несколько раз он исправлял неточности в написанном. Для удобства изложения воспоминаний некоторые соБЫт. сдвинуты мною во времени, переменены названия мест и имен почти всех участников, так как многие еще живы, а время переменчиво.

Труден был поиск, но в результате появились эти воспоминания, письма и записки, хотя и несовершенные по своему изложению, но воссоздавшие образ и жизнь о. Арсения.

Начиная свою работу, я не представлял вначале, какой соберу материал и объем книга, но теперь отчетливо вижу, что будет три части: «Лагерь» – первая часть, и Вы прочтете ее сейчас, вторая часть – «Путь», в которую войдут отдельные письма, воспоминания, рассказы людей, знавших и знающих о. Арсения. Вторая часть написана, но требует доработки, а для третьей части собран многочисленный материал, над которым надо еще много работать. Молю Господа помочь мне.

Было бы самонадеянным говорить: «Я написал, я собрал». Писали, собирали, посылали мне свои записки многие и многие десятки человек, знающие и любящие о. Арсения, и это им принадлежит написанное. Я лишь пытался, как и все, кого возрастил и поставил на путь веры о. Арсений, трудом своим отдать малую часть неоплатного долга человеку, спасшему меня и давшему мне новую жизнь.

Прочтя записки, помяните о здравии раба Божия Александра, и это будет мне великой наградой.

Часть первая Лагерь

Лагерь

Темнота ночи и жестокий мороз сковывали все, кроме ветра. Ветер нес снежные заряды, которые, крутясь, разрывались в воздухе, превращались в облака мелкого колючего снега. Налетая на препятствия, ветер кидал клочья снега, подхватывал с земли новые и опять рвался куда-то вперед.

Иногда внезапно наступало затишье, и тогда среди темноты ночи высвечивалось на земле гигантское пятно света. В полосах света лежал город, раскинувшийся в низине. Бараки, бараки и бараки покрывали землю.

Вышки со стоящими на них прожекторами и часовыми уходили за горизонт. Струны колючей проволоки, натянутой между столбами, образовывали несколько заградительных рядов, между которыми лежали полосы ослепительного света от прожекторов.

Между первым и последним рядами колючей проволоки лениво бродили сторожевые собаки.

Лучи прожекторов срывались с некоторых вышек и бросались на землю, скользили по ней, взбирались на крыши бараков, снова падали на землю и опять бежали по территории лагеря, окруженного проволокой.

Лучи некоторых прожекторов обшаривали пространство за пределами лагеря и, избежав определенный сектор, возвращались к рядам колючей проволоки, чтобы через несколько мгновений начать повторный бег.

Солдаты с автоматами, стоя на вышках, непрерывно просматривали пространство между рядами проволочных заграждений. Затишье длилось недолго, ветер опять внезапно срывался, и все снова ревело, гудело, выло, колючий снег заволакивал яркое пятно света, и темнота охватывала долину.

Лагерь особого назначения еще спал, но вдруг раздался удар по висевшему рельсу, сперва один, у входа в лагерь, а затем под ударами зазвенели стальные рельсы в разных местах лагеря.

Прожекторы на вышках судорожно заматались, ворота лагеря открылись, и в зону стали въезжать один за другим крытые грузовики с «воспитателями», надзирателями, работниками по режиму и вольнонаемными.

Машины разъезжались по территории лагеря, останавливались у бараков, из грузовиков выскакивали люди и по четыре человека шли к бараку, обходили его со всех сторон, проверяли сохранность решеток на окнах, наличие замков на дверях, отсутствие подкопов стен или других признаков, свидетельствующих о побегах заключенных.

Осмотрев и убедившись, что ничего не повреждено, надзиратели отпирали двери бараков, и в это время прожекторы еще более судорожно продолжали метаться, а часовые внимательно оглядывали с вышек лагерь. Собаки между рядами проволоки начинали нервно обегать свой участок.

Лагерь особого назначения начинал свой трудовой день. Тысячи, десятки тысяч заключенных приступали к работе.

Темнота медленно светлела, наступал серый северный зимний рассвет, но ветер по-прежнему рвал снег, кидал его в воздух, выл и гудел, встречаясь с малейшим препятствием, и все дальше и дальше нес жесткий, колючий снег.

За пределами лагеря, невдалеке от него, горело несколько костров, пламя которых то вспыхивало, то затухало.

Костры горели и днем и ночью непрерывно, отогревая мерзлую землю для братских могил, в которых хоронили умерших заключенных. Лагерь ежедневно посылал туда сотни и десятки своих жителей, отдавая этим дань установленному лагерному режиму.

Барак

Лагерь «особого режима» ожил. Хлопали двери барачных, заключенные выбегали на улицу для проверки, строились. Раздавались крики, ругань, кого-то били.

Холод, пронизывающий ветер и темнота сразу охватывали заключенных. Строясь побригадно в колонны, шли они на раздачу «пайки» и оттуда к месту работы.

Барак опустел, но запахи прелой одежды, человеческого пота, испражнений, карболки наполняли его.

Казалось, крики надзирателей, отзвуки потрясающей душу ругани, человеческих страданий, смрад уголовщины еще оставались в опустевшем бараке, и от этого становилось до отвратительности тоскливо среди голых скамей и коридора нар. Тепло, оставшееся в бараке, делало его жилым и смягчало чувство пустоты.

Двадцать семь градусов мороза и порывистый ветер были сегодня страшны не только ушедшим на работы заключенным, но и сопровождавшей их и тепло одетой охране.

Те, кто несколько минут тому назад покинули барак, выходили на улицу со страхом, их ждала работа, пугавшая каждого непонятностью требований, бессмысленной жестокостью и непреодолимыми трудностями, создаваемыми лагерным начальством.

Выполняемая заключенными работа была нужна, но все делалось так, чтобы труд стал невыносим. Все становилось трудным, мучительным и страшным в лагере «особого режима», все делалось для того, чтобы медленно привести людей к смерти. В лагерь направляли «врагов народа» и уголовников, преступления которых карались только смертью – расстрелом и заменялись им заключением в «особый», из которого выход был почти невозможен.

Отец Арсений, в прошлом Стрельцов Петр Андреевич, а сейчас «зек» – заключенный № 18376 – попал в этот лагерь полгода тому назад и за это время понял, как и все живущие здесь, что отсюда никогда не выйти.

На спине его телогрейки, шапке и рукавах был нашит лагерный номер – 18376, что делало его похожим, как и всех заключенных, на «человека-рекламу».

Ночь переходила в темный рассвет и короткий полутемный день, но сейчас фонари и прожекторы еще освещали лагерь.

Отец Арсений был постоянным барачным «дневальным», колол около барака дрова и носил их охапками к барачным печам.

«Господи! Иисусе Христе, Сыне Божий! Помилуй мя грешного», непрерывно повторял он, совершая свою работу.

Дрова были сырые и мерзлые, кололись плохо. Топора или колуна в «зону» не давали, поэтому он колол поленья деревянным клином, загоняемым в трещину другим поленом.

Тяжелое и мерзлое полено скользило и отскакивало в слабых руках о. Арсения и никак не могло попасть по торцу забиваемого клина. Работа шла медленно.

Неимоверная усталость, глубокое истощение, изнурительный режим лагерной жизни не давали возможности работать – все было тяжело и трудно. К приходу заключенных огромный барак должен быть натоплен, подметен и убран. Не успеешь – надзиратель направит в карцер, а заключенные изобьют.

Бить в лагере умели и били в основном политических. Начальство било для воспитания страха, а уголовники избивали «отводя душу», скопившаяся ненависть и жестокость выходили наружу. Били кого-нибудь каждый день, били умеючи, с удовольствием и радостью. Для уголовников это было развлечением.

«Господи! Помилуй мя грешного. Помогите мне. На Тя уповаю, Господи и Матерь Божия. Не оставьте меня, дайте силы», – молился о. Арсений и, изнемогая от усталости, охапку за охапкой переносил к печам дрова.

Пора было затапливать, печи совершенно остыли и не давали больше тепла. Разжигать печи было нелегко: дрова сырые, сухой растопки мало. Вчера о. Арсений набрал сухих щепок, положил в уголок около одной из печей, подумав: «Положу на сохранение сушняк, а завтра дрова быстро ими разожгу». Пошел сегодня за сушняком, а уголовная шпана взяла и назло облила водой.

Подшло время разжигать печи, запоздаешь не прогреется барак к приходу заключенных. Кинулся о. Арсений искать березовую кору или сухих щепок в дровах за баракком, а сам творит молитву Иисусову: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий! Помилуй мя грешного, – и добавляет: – Да будет воля Твоя».

Дрова за баракком перебрал и увидел, что ни коры, ни сушняка нет, как растапливать печи – не придумаешь.

Пока о. Арсений перебирал дрова, из соседнего барака вышел дневальный, старик, уголовник больших статей, жестокости непомерной. Говорили, что еще в старое время на всю Россию гремел. Дел за ним числилось такое множество, что даже забывать стал.

О своих делах не рассказывал, а за то малое, что следователь узнал, дали «вышку» – расстрел, да заменили «особым», что для старых уголовников иногда было хуже «вышки». Расстрел получил и сразу отмучился, а в «особом» смерть мучительная, медленная. Те, кто из «особого» случайно выходили, становились полными инвалидами, поэтому, попав сюда, люди ожесточались, и выливалось это ожесточение в том, что били политических и своих же уголовников насмерть.

Этот уголовник держал в строгости весь свой барак, и начальство его даже побаивалось. Случалось, мигнет ребятам – и готов несчастный случай, а там – веди следствие.

Звали старика «Серый», по виду ему можно было дать лет шестьдесят, внешне казался добродушным. Начинать говорить с людьми ласково, с шутками, а кончал руганью, издевательством, побоями.

Увидал, что о. Арсений несколько раз перебирал дрова, крикнул: «Чего, поп, ищешь?» – «Растопку приготовил с вечера, а ее водой для смеха залили, вот хожу и ищу сушняк. Дрова сырые, что делать – ума не приложу».

«Да, поп, без растопки тебе хана», – ответил Серый. «Народ, с работы придя, замерзнет, вот что плохо, да и меня избыют», – проговорил о. Арсений.

«Идем, поп! Дам я тебе растопку», – и повел о. Арсения к своим дровам, а там сушняка целая поленица.

Мелькнула у о. Арсения мысль: шутку придумал Серый, знал он его характер и помощи от него не ждал. «Бери, о. Арсений, бери, сколько надо».

Стал о. Арсений собирать сушняк и думает: «Наберу, а он меня на потеху другим бить начнет и кричать: «Поп вор!», но тут же удивился, что назвал его Серый «отец Арсений». Прочел про себя молитву, крестное знамение мысленно положил и стал собирать сушняк. «Больше бери, о. Арсений! Больше!» Нагнулся Серый и сам стал собирать сушняк и понес охапку следом за о. Арсением в барак. Положили сушняк около печей, а о. Арсений поклонился Серому и сказал: «Спаси тебя Бог». Серый не ответил и вышел из барака. Отец Арсений разложил в печах растопку стоечкой, обложил дровами, поджег, и огонь быстро охватил поленья в первой печи, успевай только забрасывать дрова, носил их к печам, убирал барак, вытирал столы и опять, и опять носил дрова.

Время подходило к трем часам дня, печи раскалились, в бараке постепенно теплело, запахи от этого стали резче, но от тепла барак стал близким и уютным.

Несколько раз в барак заходил надзиратель, и, как всегда, первыми его словами была озлобленная матерная ругань и угрозы, а при одном заходе в барак увидел он на полу щепку ударил о. Арсения по голове, но не сильно. Ношение дров и непрерывное подбрасывание их в печи совершенно обессилили о. Арсения, в голове шумело от слабости и усталости, сердце

сбивалось, дыхания не хватало, ноги ослабли и с трудом держали худое и усталое тело. «Господи! Господи! Не остави меня», – шептал о. Арсений, сгибаясь под тяжестью носимых дров.

Больные

В бараке о. Арсений был не один, там оставались еще трое заключенных. Двое тяжело болели, а третий «филонил», нарочно повредив себе руку топором. Валяясь на нарах, он временами засыпал и, просыпаясь, кричал: «Топи, старый хрен, а то холодно. Слезу – в рыло дам», – и тут же опять сразу засыпал.

Другие двое лежали в тяжелом состоянии, в больницу их не взяли, все было переполнено. Часов в двенадцать зашел в барак фельдшер из вольнонаемных, посмотрел на больных и, не прикасаясь к ним, громко сказал, обращаясь к о. Арсению: «Дойдут скоро, мрут сейчас много. Холода». Говорил, не стесняясь, что двое лежащих слышат его. Да и почему ему было не говорить, все равно рано или поздно должны они были умереть в «особом».

Подойдя к третьему больному, повредившему себе руку и сейчас демонстративно становшему сказал: «Не играй придурка, завтра тебе на работу а «пересолишь» – за членовредительство в карцере отдохнешь».

В перерывах между рубкой дров, топкой печей и уборкой барака о. Арсений успевал подходить к двум тяжелобольным и, чем мог, помогать.

«Господи Иисусе Христе! Помоги им, исцели. Яви милость Твою. Дай дожить им до воли», – беспрерывно шептал он, поправляя грубый тюфяк или прикрывая больных. Время от времени давал воду и лекарство, которое фельдшер небрежно бросил больным. В «особом» основным лекарством считали аспирин, которым лечили от всех болезней.

Одному, наиболее тяжелому и физически слабому больному, о. Арсений дал кусок черного хлеба это была четверть его собственного дневного пайка.

Размочив хлеб в воде, он стал кормить больного, тот открыл глаза и с удивлением посмотрел на о. Арсения, оттолкнул его руку, но о. Арсений шепотом сказал: «Ешьте, ешьте себе с Богом». Больной, глотая хлеб, произнес со злобой: «Ну тебя с Богом! Чего тебе от меня надо? Чего лезешь? Думаешь, сдохну – что-нибудь от меня достанется? Нет у меня ничего, не крутись».

Отец Арсений ничего не ответил, заботливо закрыл его и, подойдя к другому больному, помог ему перевернуться на другой бок, а потом занялся делами барака.

Растопку, что дал Серый, хоронить не стал, а положил на виду, у одной из печей. Чего убирать-то, вчера убрал, а получилось плохо, а сегодня Бог помог.

Собрался было «нарубить» дров на завтра, вышел из барака, но потом решил, что все равно истопники других барачков растащат все до поверки. Печи накалились, и от них несло жаром. Отец Арсений радовался – придут люди с мороза, отогреются и отдохнут.

Во время этих размышлений вошел надзиратель, на вид ему можно было дать лет тридцать. Всегда веселый, улыбающийся, радостный, прозванный за это заключенными «Веселый».

«Ты что, поп, барак натопил, словно баню? В карцер захотел? Дрова народные для врагов народа переводишь. Я тебе, шаман, покажу», – и, засмеявшись, ударил о. Арсения наотмашь по лицу и, улыбаясь, вышел.

Вытирая кровь, о. Арсений повторял слова молитвы: «Господи, не остави меня грешного, помилуй».

Филонивший Федька сказал: «Ловко он, подлюга, тебя в морду двинул, с весельем, а за что – и сам не знает». Через час Веселый опять появился в бараке и, войдя, закричал: «Поверка, встать».

С нар соскочил Федька, а о. Арсений вытянулся с метлой, которой только что подметал барак.

«Кто еще в бараке?» – кричал надзиратель, хотя уже утром производил поверку и знал, кто оставался.

«Двое освобожденных, лежачих больных, и третий на выписке, ходячий».

Веселый пошел по коридору, образуемому нарами, и, увидев двух лежачих больных, понял, что встать они не могут, но для вида раскричался, однако, подойти побоялся – а вдруг зараза какая.

«Ты смотри, поп, чтобы порядок был, скоро позовут куда надо, там запоешь», – и, скверно ругаясь, вышел. День был на исходе, быстро темнело, и заключенные вот-вот должны были прийти с работы. Приходили обмерзшие, усталые, озлобленные, обессиленные и, добравшись до нар, почти в беспамятстве валились на них.

С приходом заключенных барак наполнился холодом, сыростью, злобной руганью, выкриками, угрозами.

Через полчаса после прихода водили на обед. Время обеда для многих заключенных было временем страдания. Уголовники отнимали все, что могли, и били при этом нещадно, те, кто был слаб и не мог постоять за себя, часто лишались еды.

Политических в бараке было значительно больше, чем уголовников, однако уголовники держали всех живущих в бараке, особенно политических, в жестоком режиме.

Ежедневно какая-то часть политических лишалась пайки, что являлось невыносимым страданием. Усталые, голодные, вечно продрогшие заключенные постоянно мечтали о еде как о чем-то единственно радостном в этой обстановке. Во время обеда люди отогревались и частично утоляли чувство голода.

Обед был жалким, порции ничтожны, продукты полу гнилые и почему-то часто пахли керосином.

И этот скудный обед, который не восстанавливал затраченных сил и был рассчитан на медленное истощение заключенных, мог быть отнят, ни один политический не был уверен, что сегодня он съест его.

Отец Арсений, попав в «особый», часто лишался обеда, но никогда на роптал. Останется без обеда, придет в барак, ляжет на нары и начинает молиться.

Вначале кружилась голова, знобило от холода и голода, сбивались мысли, но, прочтя вечерню, утреню, акафист Божией Матери, Николаю Угоднику и своему святому Арсению, помянув своих духовных детей, всех усопших, кого сохранила память, и так, бывало, всю ночь молясь, утром встает – и как будто силы есть, спал и сыт.

Духовных детей у о. Арсения было много и на воле, и в лагерях, и душа его болела за них. Раньше в простых лагерях получал иногда письма, а когда перевели в «особый», все кончилось.

В «особый» переводили опасных заключенных, переводили умирать без расстрела, от установленного режима.

Духовные дети о. Арсения считали, что он умер. Обращались в органы, а там ответ один: если перевели в лагерь «особого режима» – «не значит».

...Было темно, колонны заключенных одна за другой входили в зону и растекались по баракам. Бараки оживали. В бараке о. Арсения сегодня было жарко, ребята входили злые, усталые, но, входя в теплый барак, радовались и ругались больше для порядка. Отца Арсения не били и при обеде пайку не отняли, то ли случайно, то ли у других «шаршили».

Двум лежачим больным досталась от обеда только половина пайкового хлеба, да о. Арсений от себя кусок прогорклой трески спрятал за пазуху.

Придя в барак, о. Арсений стал кормить больных: нагрел воду с хвоей, добавил аспирин и обоих напоил. Хлеб и треску разделил пополам и дал каждому.

Дней через пять пошли больные на поправку, стало видно, что останутся живы, но лежали еще недвижны и шагу сделать не могли. Все это время о. Арсений урывками и ночами ухаживал за ними и делился частью своего пайка.

Что это за люди, о. Арсений не знал. Попали в барак больными с этапа, почти в беспамятстве, и поэтому никто их толком не знал. Заботы о. Арсения больные принимали холодно,

но обойтись без него не могли, и, если бы не он, то давно бы им лежать в мерзлой земле. О себе не рассказывали, а о. Арсений и не спрашивал, по лагерным обычаям не полагалось, да и ни к чему это было. Сколько таких людей видел он по лагерям, не счесть. Бывало, выходит больного, расстанется и никогда больше не увидит. Да разве всех запомнишь!

Как-то от одного больного о. Арсений узнал, что зовут его Сазиков Иван Александрович. Молча подавая Сазикову еду или лекарство, о. Арсений молился по своему обыкновению, и губы его беззвучно двигались, шепча слова молитвы. Заметив это, Сазиков проговорил: «Молишься, папаша! Грехи замаливаешь и нам поэтому помогаешь. Бога боишься! а ты Его видел?»

Посмотрел о. Арсений на Сазикова и с удивлением произнес: «Как же не видел, Он здесь, посреди нас, и соединяет сейчас нас с Вами».

«Да что, ты, поп, говоришь, в этом бараке – и Бог!» – засмеялся Сазиков. Посмотрел о. Арсений на Сазикова и тихо сказал: «Да! Вижу Его присутствие, вижу, что душа ваша хоть и черна от греха и покрыта коростой злодеяний, но будет в ней место и свету. Придет для тебя, Серафим, свет, и святой твой, Серафим Саровский, тебя не оставит».

Исказилось лицо Сазикова, задрожал весь и с ненавистью прошептал: «Пришибу, поп, все равно пришибу. Знаешь много, только понять не могу – откуда?»

Отец Арсений повернулся и пошел, повторяя про себя: «Господи! Помилуй мя грешного». Время шло, работы надо было сделать много, и, совершая ее, читал о. Арсений акафисты, правила про себя, по памяти, вечерню, утреню, иерейское правило.

Второй больной, из репрессированных, стал постепенно поправляться. История его была самая обыкновенная, таких историй в лагере были тысячи, все одна на другую похожие.

Революцию Октябрьскую «делал», член партии с семнадцатого года. Ленина знал, армией командовал в 1920 г., в ЧК занимал большой пост, приговоры «тройки» утверждал, а последнее время в НКВД работал членом коллегии, а теперь и его послали умирать в лагерь особого назначения.

В бараке репрессированные разные были, одни за глупое слово умирали, большинство попало по ложным доносам, другие за веру, третьих – идейных коммунистов – кому-то надо было убрать, так как стояли им «поперек дороги».

Всем им, сюда попавшим, необходимо было рано или поздно умереть в «особом». Всем!

Был идейным и Авсеенков Александр Павлович. Как фамилию эту назвали, сразу вспомнил о. Арсений этого человека. Часто упоминалась эта фамилия в газетах, да и приговор о. Арсению утверждал Александр Павлович.

Когда постановление «тройки» о расстреле о. Арсения «за контрреволюционную деятельность» и о замене расстрела пятнадцатью годами «лагеря особого режима» зачитывали, фамилия эта запомнилась.

Авсеенков был уже не молод, с виду лет около сорока-пяти-десяти, но лагерная жизнь наложила на него тяжелый отпечаток, в лагере ему было труднее многих.

Голод, изнурительная работа, избиения, постоянная близость смерти – бледнели перед сознанием, что вчера еще он сам посылал сюда людей и искренно верил тогда, подписывая приговоры, на основании решения «тройки», что посланные в лагерь люди или приговоренные к расстрелу были действительно «враги народа».

Попав в лагерь и соприкоснувшись с заключенными, он отчетливо понял и осознал, что совершал дело страшное, чудовищное, послав на смерть множество невинных людей.

Не видя с высоты своей должности истинного положения вещей и событий, утерял правду, верил протоколам допросов, льстивым словам подчиненных, сухим директивам, а связь с живыми людьми и жизнью утерял.

Мучился безмерно, переживал, но ничего решить для себя Авсеенков не мог. Сознание духовной опустошенности и ущербности сжигало его. Был молчалив, добр, делился с людьми последним, уголовников и начальства не боялся.

В гневе был страшен, но головы не терял, за обижаемых вступался, за что и попадал часто в карцер.

Привязался Авсеенков к о. Арсению, полюбил его за доброту и отзывчивость. Бывало, часто говорил о. Арсению:

«Душа-человек Вы, о. Арсений (в бараке большинство заключенных звало о. Арсения – «отец Арсений»), – вижу это, но коммунист я, а Вы служитель культа, священник. Взгляды у нас разные. По идее я должен бороться с Вами, так сказать, идеологически».

Отец Арсений улыбнется и скажет:

«Э! Батенька! Чего захотели, бороться. Вот боролись, боролись, а лагерь-то Вас с Вашей идеологией взял да и поглотил, а моя вера Христова и там, на воле, была и здесь со мною.

Бог всюду один и всем людям помогает. Верю, что и Вам поможет!»

А как-то раз сказал: «Мы с Вами, Александр Павлович, старые знакомые. Господь нас давно вместе свел и встречу нам в лагере уготовил».

«Ну! Уж это Вы, о. Арсений, что-то путаете. Откуда я мог Вас знать?»

«Знали, Александр Павлович. В 1933 году, когда дела церковные круто решались, брата нашего – верующих – сотнями тысяч высылали, церковью видимо-невидимо позакрывали, так я тогда по Вашему ведомству первый раз проходил.

Первый приговор Вы мне утвердили в 1939 году, опять же по Вашей «епархии». Только одну работу в печать сдал, взяли меня по второму разу и сразу приговорили к расстрелу. Спасибо Вам, расстрел «особым» заменили. Вот так и живу по лагерям и ссылкам, все Вас дожидался, ну наконец и встретились.

Бога ради не подумайте, что я хочу упрекнуть Вас в чем-то, во всем воля Божия, и моя жизнь в общем океане жизни – капля воды, которую Вы и запомнить, естественно, в тысячном списке приговоренных не могли. Одному Господу все известно. Судьба людей в Его руках».

Попик

Жизнь и работа в лагерях нечеловеческая, страшная. Каждый день к смерти приближает и часто года вольной жизни стоит, но, зная это, не хотели заключенные, не желали умирать духовно, пытались внутренне бороться за жизнь, сохранить дух, хотя это и не всегда удавалось.

Говорили, спорили о науке, жизни, религии, иногда читали лекции об искусстве, научных открытиях, устраивали маленькие литературные вечера, воспоминания, читали стихи.

На общем фоне жестокости, грубости и сознания близкой неизбежной смерти, голода, крайней степени истощения и постоянного присутствия уголовников это было поразительно.

«Особый» жил страхом, насилием, голодом, но заключенные часто стремились найти друг в друге поддержку, и это помогало жить.

Авсеенков, наблюдая жизнь заключенных, пришел к выводу что в среднем больше двух лет редко кто выживал в «особом», и думал: а сколько еще осталось ему? В зависимости от волны арестов в барак попадали инженеры, военные, церковники, ученые, артисты, колхозники, писатели, агрономы, врачи, и тогда в бараке невольно возникали «землячества», состоящие из людей этих профессий.

Все были забиты, но тем не менее можно было видеть желание этих людей не забыть своего прошлого, своей профессии. Все вспоминалось в совместных разговорах.

Особенно жаркими были споры, возникавшие по любому поводу, люди горячились, старались доказать только свое, при этом каждый говорил так, как будто от его доказательства зависит исход любых событий и решений.

Отец Арсений в спорах не участвовал, ни к кому не примыкал, был со всеми общителен и ровен. Начнется спор, а о. Арсений отойдет к своему лежаку, сядет на него и начнет про себя молиться.

Интеллигенция барака относилась к о. Арсению снисходительно. «Одно слово попик, да еще притом весьма sereneкий, добрый, услужливый, но культуры внутренней почти никакой нет, потому так и в Бога верит, другого-то ничего нет за душой». Такое мнение было у большинства. Случилось как-то, что собралось в бараке человек десять-двенадцать художников, писателей, искусствоведов, артистов.

Придут, бывало, с работ, в «столовую» сбегают, отдохнут, пройдет поверка, запрут барак, ну и начинаются разговоры: о театре, литературе, медицине, искусстве, – оживятся, спорят.

Как-то зашел разговор о древней русской живописи и архитектуре, и один заключенный высокого роста, сохранивший даже в лагере барственную осанку и манеры, с большим апломбом и жаром рассуждал об этих предметах. Собравшиеся с большим интересом слушали его.

Говорил «высокий» веско, со знанием дела и удивительно утвердительно. Во время разговора этого проходил мимо собравшихся о. Арсений, а «высокий», как оказалось впоследствии, искусствовед и профессор, снисходительно обратился к о. Арсению:

«Вы, батюшка, очень верующий и духовного звания, так не скажите ли нам, как Вы оцениваете связь православия с древней русской живописью и архитектурой, и есть ли такие связи?» Сказал и улыбнулся. Все окружающие засмеялись. Сидевший невдалеке Авсеенков и слышавший этот разговор тоже невольно улыбнулся.

Таким нелепым показался всем этот вопрос, заданный о. Арсению. Кто пожалел его, а кто и захотел посмеяться.

Все отчетливо понимали, что этот простецкий попик, каким был о. Арсений, ничего не ответит, не сможет ответить, так как ничего не знает. Понимали, что вопрос издевательский. Отец Арсений куда-то шел, остановился, вопрос выслушал, усмешки заметил и сказал:

«Сейчас, я сейчас, только вот дело доделаю», – и побежал дальше.

«А попик-то не дурак, от срама сбежал». «Да, русское духовенство всегда было некультурным», – бросил кто-то фразу.

Минут через десять к группе интеллигентов подошел о. Арсений и, прервав лекцию «высокого», сказал:

«Кончил я дела свои, прошу Вас повторить вопрос». Профессор посмотрел на о. Арсения так, как он, вероятно, оглядывал невежд, неучей-студентов, и размеренно произнес:

«Вопрос, батюшка, довольно простой, но интересный. Как Вы, представитель русского духовенства, расцениваете влияние православия на древнерусское изобразительное искусство и архитектуру? Хотелось бы услышать.

О сокровищах Суздаля, Ростова Великого, Переяславля Залесского, Ферапонтовом монастыре, возможно, слышали? Иконы Владимирской Божией Матери и Троицу Рублева, вероятно, по церковным литографиям знаете, так вот и скажите, как оцениваете все это с точки зрения связей».

Вопрос был профессорский, и все это поняли, и у большинства мелькнула мысль, что не надо было задавать его такому простецкому, но доброму попику. Ясно, что не ответит, по одному виду определишь.

Отец Арсений как-то выпрямился, даже внешне изменился и, взглянув на профессора, произнес:

«Взгляды на влияние православия на русское изобразительное искусство и архитектуру существуют самые различные. Много по этому поводу высказано разных мыслей, и Вы, профессор, по этому поводу много писали и говорили, но ряд Ваших положений глубоко ошибочен, противоречив и, откровенно говоря, конъюнктурен. То, что Вы сейчас говорили, значительно ближе к истине, чем то, что Вы так пространно излагали в статьях Ваших и книгах.

Вы считаете, что русское изобразительное искусство развивалось только на народной основе, почти отрицаете влияние на него православия и в основном придерживаетесь мнения, что только экономические и социальные факторы, а не духовное начало русского народа и благотворное влияние христианства оказали на него влияние – на живопись и архитектуру. Лично я, профессор, держусь другого мнения о путях развития древней русской живописи и архитектуры, так как считаю, что влияние православия было решающим фактором на русский народ и его культуру, начиная с десятого по восемнадцатый век.

Восприняв в десятом веке византийскую культуру, русское духовенство, русское иночество понесло, передало ее в виде книг, живописи – икон, первых образцов возведенных греками храмов, строя богослужения, описания житий святых, – русскому народу, и это все оказало решающее влияние на дальнейшее развитие всей русской культуры.

Вы упомянули икону Владимирской Божией Матери, а разве этот образ, как и другие произведения живописи, пришедшие к нам от греков, не явились той основой, на которой в дальнейшем расцвели иконопись и живопись?

Любое творение русской иконописной школы неразрывно связано с душой художника-христианина, с душой верующего, прибегающего к иконе как к духовному символическому изображению Господа, Матери Божией или святых Его.

Русский человек приходил к иконе не как к идолу, а как к символу, в котором видел, подразумевал и представлял духовно и внутренне образ, запечатленный в виде изображения. В этом овеществленном символе видел православный образ того, к кому прибегала душа его в горестной или радостной молитве. Русский иконописец с молитвой и постом запечатлевал образ Господа, Божией Матери и святых, и недаром русский народ хранит много прекрасных и дивных преданий о том, как создавались иконы, и верит, что рукою художника-иконописца водил ангел Господень, а не сам иконописец.

Русский иконописец древний никогда не подписывал своим именем своих икон, ибо считал, что не рука, а душа его с благословения Божия создавала образ, а Вы во всем видите влияние социальных и экономических предпосылок.

Взгляните на нашу древнюю икону Божией Матери и западную Мадонну, и Вам сразу бросится в глаза огромная разница.

В наших иконах духовный символ, дух веры, знамение православия; в иконах Запада дама – женщина, одухотворенная, полная земной красоты, но в ней не чувствуется Божественная Сила и благодать, это только Женщина.

Взгляните в глаза Владимирской Божией Матери, и Вы прочтете в них величайшую силу духа, веру в безграничное милосердие Божие к людям, надежду на спасение».

Отец Арсений воодушевился, как-то весь переменялся, распрямился и говорил ясно, отчетливо и необыкновенно выразительно.

Называя иконы, давая пояснения, он раскрыл душу русской древней живописи и, перейдя к архитектуре, на примерах Ростова Великого, Суздаля, Владимира, Углича и Москвы показал связи ее с православием.

Ответ свой о. Арсений закончил словами: «Строя церкви, русский человек во Славу Бога заставил петь камень, заставил его рассказывать христианину о Боге и прославлять Бога».

Говорил о. Арсений часа полтора, и слушавшая его группа интеллигентов замерла. Профессор потерял свой полунасмешливый и барственный вид, съезжился как-то весь и спросил:

«Простите! Откуда Вы знаете труды мои и русскую древнюю живопись и архитектуру? Где изучали? Ведь Вы священник?»

«Любить надо Родину свою и знать ее. Надо, как изволили сказать о духовенстве, чтобы попик понимал душу русского искусства и, будучи пастырем душ человеческих, показывал им правду и истину в их незапятнанном виде, ибо, профессор, многие люди, и Вы в том числе, облачают измышлением и ложью самое святое, что есть у человека. Делается это ради выгоды или политических, временно возникающих установок и взглядов, ради социального заказа».

Профессор еще более переменялся и спросил: «Кто Вы? Фамилия Ваша?»

«В миру был Стрельцов Петр Андреевич, а сейчас о. Арсений, как и Вы, заключенный «особого». Профессор подался вперед и с трудом проговорил:

«Петр Андреевич! Извините меня, извините. Не думал, не мог предполагать, что известнейший искусствовед, автор многих исследований и монографий по истории русской древней живописи и архитектуры, учитель многих и многих, встретится со мною здесь под видом священника и я задам ему глупый вопрос.

Несколько лет не было слышно о Вас, только статьи и книги рассказывали Ваши мысли, и я еще год тому назад вступал с Вами в полемику, лично не зная Вас. Как Вы, известнейший ученый, стали духовным лицом?»

«Потому и стал о. Арсением, что вижу и ощущаю Бога во всем и, будучи о. Арсением, особенно понял, что попику надо много знать. А если говорить о русских попах, то Вы должны знать, что они были той силой, которая собрала в XIV и XV веках русское государство воедино и помогла русскому народу сбросить татарское иго.

Действительно, в XVI–XVII веках стало морально падать русское духовенство, и только отдельные светочи русской церкви озаряли ее небосклон, а до этого было оно главной силой Руси».

Сказал и пошел, а профессор и все стоящие, и в том числе Авсеенков, остались стоять, пораженные и удивленные.

«Вот тебе и попик блажененький, товарищи!» – произнес кто-то из слушавших интеллигентов, и все стали молча расходиться.

Авсеенков заметил, что с этого момента интеллигенция барака и лагеря стала смотреть и относиться к о. Арсению совершенно по-другому. Понятия Бог, наука, интеллигент для мно-

гих стали сближаться. Авсеенков, бывший старым идейным коммунистом и почти фанатично веривший в идеи марксизма, в первый год жизни в «особом» пытался жить обособленно от окружающих его людей, потом сблизился с некоторыми из них, но, увидя, что мысли бывших коммунистов в основном были направлены только на желание вернуться к прежней удобной жизни и совершенно были свободны от идеи добиться справедливости и бороться против произвола Сталина, отошел от этих людей.

Свою прежнюю жизнь Авсеенков пересмотрел и понял, что давно растерял идеи, и их заменили приказы, стандартные прописные истины и циркуляры. Связь с живым народом, массой людей он утерял, доклады и газетные статьи – вот что заменило ему живого человека.

Соприкасаясь с заключенными, увидел Авсеенков жизнь подлинную, невыдуманную, настоящую. К о. Арсению тянулся Авсеенков, необычное отношение ко всем без различия людям, сердечность, доброта, постоянно оказываемая всем помощь в любых ее формах и, как теперь он узнал, глубокая интеллигентность и образованность покорили его.

Беспредельная вера в Бога, постоянная молитва вначале отталкивали его от о. Арсения, но в то же время что-то необъяснимо притягивало его.

С о. Арсением чувствовал он себя хорошо, трудности, тоска, лагерный гнет сглаживались. Почему? Он не понимал.

Сазиков Иван Александрович оказался старым известным уголовником. Был он человек властный, жесткий, уголовную братию знал хорошо и вскоре подчинил себе весь барак и, конечно, установил связь со всеми уголовниками лагеря. Слово его было законом, боялись его, но в дела барака вмешивался он мало и как бы стороной.

В первые месяцы после своего выздоровления отдалился он от о. Арсения и вроде бы замечать не стал, но, повредив как-то себе сильно ногу, пролежал пять дней в бараке, рана стала загнивать, и создалась опасность потери ноги. Освобождение продолжали давать, но положение не улучшилось, и вторично выходил Сазикова о. Арсений.

Попробовал Сазиков дать о. Арсению подачку, но о. Арсений, улыбнувшись, сказал: «Не ради вознаграждения Вам делаю, а ради Вас – человека, ради Вас самого».

Помягчал Сазиков к о. Арсению, мимоходом вроде бы и о своей жизни рассказывал, а однажды вдруг сказал: «Не верю я людям, а попам, говорят, и совсем верить нельзя, а Вам, Петр Андреевич, верю. Не продадите. В Боге своем живете, добро делаете не для своей выгоды, а ради людей. Мать у меня такая же была!» Сказал и пошел.

«Прекратите сие»

Холода стояли страшные, заключенные сильно мерзли на работах, обмораживались, приходя в барак после работы, буквально валились с ног. Умирало много, население барака постоянно обновлялось.

Трудно было всем, но особенно доставалось политическим. Все вставали, уходили на работу и приходили с работы озлобленные и вечно голодные, а тут еще при раздаче хлеба уголовники два дня подряд отнимали у политических весь паек. На второй день к вечеру, после кражи и после закрытия барака, произошла в бараке драка не на жизнь, а на смерть между уголовниками и политическими из-за хлеба.

Во главе политических встал Авсеенков, несколько бывших военных и человек пять из интеллигенции, а у уголовников – Иван Карий, отпетый бандит, хулиган и многократный убийца. В лагере убил не одного человека, любил играть в карты на жизнь человеческую. Политические требуют справедливости и порядка, а уголовники со смехом отвечают: «Брали и брать будем», – прекрасно понимая, что лагерная администрация не встанет на защиту политических, а молчаливо одобряет эти кражи.

Сперва началась кулачная драка, а потом в ход пошли поленья, а некоторые уголовники достали ножи. В лагере они запрещались, их постоянно искали, беспрерывно обыскивали заключенных, но почти никогда ножи не находили.

Порезали одного военного, нескольким политическим тяжело повредили головы. Уголовники действуют сообща, а основная масса политических только кричит, боясь помочь своим.

Уголовники бьют жестоко, одолевают политических, кругом льется кровь. Отец Арсений бросился к Сазикову и стал просить: «Помогите! Помогите, Иван Александрович! Режут людей. Кровь кругом. Господом Богом прошу Вас, остановите! Вас послушают!»

Сазиков засмеялся и сказал: «Меня-то послушают, ты вот своим Богом помоги! Смотри! Твоего Авсеенкова Иван Карий сейчас прирежет. Двоих-то уже уложил. Бог твой, поп, ух как далек!»

Смотрит о. Арсений – кровь на людях, крики, ругань, стоны, и так все это душу переполнило болью за страдания людей, что, подняв руки свои, он пошел в самую гущу свалки и голосом ясным и громким сказал: «Именем Господа повелеваю – прекратите сие. Уймись!» И положив на всех крестное знамение, тихо произнес: «Помогите раненым», – и пошел к своим нарам.

Стоит весь какой-то озаренный и словно ничего не слышит и не видит. Не слышит, как кладут у выхода из барака мертвых, помогают раненым. Стоит и, уйдя в себя, молится.

Тихо стало в бараке, только слышно, как люди укладываются на нары и стонет тяжело раненный. Сазиков подошел к о. Арсению и сказал:

«Простите меня, о. Арсений. Усомнился я в Боге-то, а сейчас вижу – есть Он. Страшно даже мне. Великая сила дана тому, кто верит в Него. Простите меня, что смеялся над Вами!»

Дня через два, придя с работы, подошел Авсеенков к о. Арсению и сказал: «Спасибо Вам! Спасли Вы меня, спасли! Бесконечно Вы в Бога верите, и я, смотря на Вас, тоже начинаю понимать, что есть Он».

Жизнь в бараке шла размеренно. Одни заключенные приходили в барак и, прожив в нем недолго, ложились в мерзлую землю, другие приходили им на смену.

Воровство хлеба прекратилось, а если и случалось, то уголовники крепко учили своих за это. Отец Арсений работал по бараку, сильно уставал, истощение организма, как у всех заключенных, было предельным, но держался и духом не падал.

В бараке, населенном людьми самыми разными по своим характерам, жизни и настроениям, и при этом людьми, обреченными на смерть, измученными и поэтому озлобленными и

ожесточенными, о. Арсений стал для очень многих связующим и сближающим началом, смягчающим тяжесть лагерной жизни.

Добротой своей, теплым ласковым словом согревал он многих душу, и, был ли то верующий, коммунист, уголовник или какой-либо другой заключенный, для каждого из них находил он необходимое только этому человеку слово, и оно проникало в душу, помогало жить, заставляло надеяться на лучшее, вело к совершению добра.

Как-то произошло незаметно, но Сазиков и Авсеенков сблизилась. Казалось, что было общего между уголовником и бывшим членом коллегии? Их незримо соединял о. Арсений.

Вызов майора

Надзиратель Веселый днем, когда барак бывал пуст и о. Арсений топил печи или убирал барак, стал часто проводить «поверку барака» и придирается ко всему, а в этот день, зайдя раза три, беспрерывно матерился, ударил его по лицу, грозился и пугал, а к вечеру о. Арсения вызвали в «особый отдел».

Вечерний вызов считался плохим признаком. Говорили, что начальником «особого отдела» назначили нового майора. «Особый отдел» в лагере «особого режима» был страшен заключенным.

Вызовы в «особый отдел» всегда сопровождались неприятностями: снимали допросы по какому-либо дополнительному делу, заставляли стать «сексотом» – секретным сотрудником и за отказ били нещадно. Били и при допросах, единственно, когда не били – это при зачитывании постановления об увеличении срока заключения.

Заключенные боялись «особого отдела», работало в нем человек двадцать пять сотрудников – в основном «проштрафившиеся» где-то на службе в органах и переведенные служить в отдаленные лагеря для известного рода «исправления». Было много из них сильно пьющих. Допросы вести умели, били с умением, – «признаешься во всем».

Отца Арсения «принимал» лейтенант лет двадцати семи. Началось, как всегда, с шаблонных вопросов: имя, отчество, фамилия, статья, по которой осужден, крики: «все знаем», «давай рассказывай», угрозы, после чего предъявлялась главная цель вызова: «Давай показанья о своей агитации в лагере».

Ответив на стандартные вопросы, о. Арсений замолчал и стал молиться. Лейтенант гнусно матерился, бил кулаком по столу, грозил, а потом, встав, сказал: «Сейчас через майора пропустим, заговоришь», – и, выругавшись, вышел.

Минут через десять вернулся и повел к майору – начальнику «особого отдела». Отец Арсений, зная лагерные порядки, понял, что дело его плохо.

«Оставьте нас», – приказал майор, взял дело и протокол допроса. Лейтенант вышел. Майор встал, плотно закрыл дверь кабинета, вернулся, сел в кресло и стал читать дело о. Арсения.

Отец Арсений стоял и молился: «Господи, помилуй мя грешного!»

Майор посмотрел дело и вдруг неожиданно, простым, доброжелательным тоном сказал: «Садитесь, Петр Андреевич! Это я приказал вас вызвать».

Отец Арсений сел, повторяя про себя: «Господи! Помилуй мя грешного! Уповаю на Тебя!» И при этом подумал: «Сейчас начнется».

Майор помолчал, полистал еще раз дело, посмотрел на о. Арсения и на вклеенную в дело фотографию, отстегнул пуговицу верхнего кармана кителя и достал сложенный листок бумаги: «Возьмите, записка Вам от Веры Даниловны, жива и здорова. Прочтите».

«Дорогой о. Арсений! Милость Господа не имеет пределов. Он сохранил Вас. Ничему не удивляйтесь. Доверьтесь. Молитесь о нас, грешных. Бог многих сохранил из нас. Молите Бога о нас. Вера».

Почерк был Веры Даниловны, сестры Веры, одной из самых близких духовных дочерей о. Арсения. Сомнений в том, что писала именно она, быть не могло, так как когда-то условились, что при писании особо важных писем в слове «молите» одна из букв делалась измененной.

«Господи! Благодарю, что дал мне узнать о детях моих. Благодарю, Господи, за милость!»

Майор взял записку из рук о. Арсения и сжег. Оба молчали. Отец Арсений – от волнения и неожиданности, а также от непонятности происходящего. Майор молчал, понимая состояние о. Арсения, понимая, что он ошеломлен. Смотря на о. Арсения, майор видел перед собой

измученного старика с небольшой бородкой, обритого наголо, в старой залатанной телогрейке и ватных брюках.

Из лежащего перед ним дела майор знал, что прошлое у старика большое: «выходец» из семьи известного ученого, окончил Московский университет, известен как блестящий искусствовед в Союзе и за рубежом, автор глубоких исследований по древней русской живописи и архитектуре и одновременно иеромонах, руководитель большой и сильной общины, которая, как предполагали «органы», не распалась даже после его ареста.

И этот старик, живя когда-то на свободе, мог совмещать глубокую веру с наукой и в книгах своих прославлял красоту Родины и призывал любить ее. Сейчас майор видел, что все это умерло в сидящем перед ним человеке, он растоптан и сломлен. Смерть скоро придет к нему, она не заставит себя ждать.

Просьба жены, которую майор беспредельно любил и всегда прислушивался к ее словам, а также просьба Веры Даниловны, оказавшей в прошлом немалую помощь его жене и дочери, побудили майора взяться за это рискованное поручение.

Вера Даниловна была врач, и случилось так, что жизнь самых близких майору людей сохранилась благодаря самоотверженной и бескорыстной её помощи.

В условиях взаимных доносов и слежки помощь со стороны майора была для него самого крайне опасной, но была еще одна причина, побудившая его связаться в лагере с о. Арсением.

Отец Арсений молился и, казалось, так ушел в себя, что не видел майора, кабинета, в котором находился, забыл обо всем, но вдруг, подняв глаза и смотря на майора, спокойно сказал:

«Благодарю за весть эту добрую, именем Господа благодарю». И майор, взглянув в глаза о. Арсению, понял, что не старик перед ним изможденный, а какой-то особый человек, необычный, и годы лагерной жизни не согнули, а увеличили силу его духа, ибо глаза о. Арсения излучали силу и свет, никогда до того не виданные майором, и в силе и свете были бесконечная доброта и великое знание души человеческой.

Майор понял, почувствовал, что взглянет о. Арсений на любого человека, скажет ему, и будет так, как хочет о. Арсений. Повелит – и любые отворятся ворота и спадут запоры. Самое сокровенное в душе человеческой видят эти глаза и читают мысль человеческую. Понял также майор, что не будет спрашивать о. Арсений, почему он, вновь назначенный начальник «особого отдела» лагеря, передал ему записку от Веры Даниловны.

А о. Арсений смотрел куда-то вверх мимо майора и, смотря, встал. Встал, перекрестился несколько раз, поклонился кому-то, и, смотря на о. Арсения, встал майор, ибо предстал перед ним в этот момент не старик в рваной телогрейке, а иерей в полном церковном облачении и совершал таинство молитвы перед Богом.

Майор вздрогнул от неожиданности и непонятности происходящего, и что-то далекое, забытое пришло ему на память – время, когда мать водила его в старую деревенскую церковь, маленьким мальчиком, молиться в большие праздники, и что-то мягкое и доброе охватило его душу.

Отец Арсений сел, и опять перед майором был изможденный старик, но глаза его по-прежнему излучали свет.

«Петр Андреевич! Послали работать в лагерь. Узнал, что Вы здесь. Был в Москве, сказал Вере Даниловне и взялся передать Вам записку и, кроме того, прошу Вас помочь одному человеку, живет с Вами в бараке», – и майор замялся.

«Понял я, понял Вас! Александру Павловичу помогу. Все передам. Понимаю, что трудно Вам здесь, Сергей Петрович, не привыкли к новой работе. Трудно привыкнуть. Что здесь делается! Но будьте милостивы в меру сил своих и возможностей, это и то будет большой помощью заключенным».

«Да, трудно! Очень трудно сейчас всюду, – произнес майор, – вот поэтому я здесь и оказался. Сердце кровью обливается, когда смотришь, что делается кругом. Слежка, доносы друг на друга, секретные инструкции одна страшнее другой. Делаешь, но ничтожно мало. стыдно сказать, но боюсь.

Надзиратель Пупков доносит на Вас все время. Явно не любит. Уберем его, поставим приличного, другого. Тяжело Вам, Петр Андреевич! Тяжело! Помочь, как уже говорил, могу мало, но стараться буду. Вызывать буду через посредство лейтенанта Маркова, это тот, что Вас допрашивал. Человек трудный, подозрительный, но на этом я его возьму. Предложу иметь за Вами особый надзор и после своих допросов ко мне направлять. Не беспокойтесь, особый надзор на Ваших делах не отразится и в дело личное не будет внесен.

Александр Павловичу скажите, что генерал Абросимов Сергей Петрович, разжалованный теперь в майоры, здесь. Помнят Александра Павловича в верхах многие, но помочь трудно. Стараются и не один заход к Главному делали, но безрезультатно. Главный отвечает: «Пусть посидит», – а заместитель пытается уничтожить. Много знает Александр Павлович. Идеальный, прямой, а таких не любят. Давали указание убрать, но Главный санкции не дал. Пытаются окольными путями, через уголовников действовать. Уголовника Ивана Карего толкают на это.

Передайте Александру Павловичу записку от жены, это его поддержит. Помогите ему. Пусть остерегается Савушкина, бывшего секретаря обкома, доносы на него строчит, тоже в Вашем бараке живет. Протокол Вам надо подписать, идите, напишу при следующей встрече».

Улыбнулся о. Арсений, взял чистый лист и подписал: «Впишите, что надо».

Майор встал, подошел к о. Арсению и, взяв его за плечи, почему-то неожиданно сказал: «Помните меня».

Полный впечатлений и переживаний, непрерывно славя Господа, усталый от всего пережитого, пошел о. Арсений и лег на нары.

Ждали его с нетерпением, мог и не вернуться. Лежа читал молитвы и псалмы, благодаря Бога и повторяя: «Господи, славлю дела Твои, благодарю, что показал мне милость Твою, помилуй мя, Боже!»

В лагерях был заведенный порядок – вызвали заключенного в «особый отдел», пришел оттуда, не спрашивай и не подходи к человеку. Боялись, что на подходящих падет подозрение, что боится он, о нем спрашивали. Придет время, найдет нужным, сам человек расскажет. Глаз не смыкал всю ночь о. Арсений. Промыслу Божию умилялся, славил Бога, молился Божией Матерью, а утром встал и с легким сердцем занялся делами.

Надзиратель Веселый (Пупков) раза два забегал в барак, оглядел все бегающим взглядом и спросил: «Ну, что, поп? Не добились тебя в «особом»? Добьются!» И, засмеявшись, вышел.

Вечером, после прихода заключенных с работ и получения пайки, о. Арсений обратился к Авсеенкову:

«Александр Павлович! Помогите мне до проверки дров наколоть, а то не успею».

Теперь у о. Арсения заранее нарубленные дрова не воровали, барак за этим смотрел.

Времени до проверки оставалось немногим более часа. Фонари и прожектора ярко освещали территорию лагеря. Дрова можно было колоть и вечером. Вышли к дровам, Тут о. Арсений и сказал:

«Полено буду передавать-записку возьмите, прочтите и проглотите, а потом все расскажу».

«Какую записку? опешив, спросил Авсеенков. – Какую?»

Схватил и стал деревянным клином колоть поленья, потом встал под фонарь, будто разглядывал полено, и стал читать записку.

Прочел раз, второй, и по лицу потекли слезы. Отец Арсений прошептал: «Проглотите записку». И добавил: «Возьмите себя в руки».

Пока дрова кололи и собирали, рассказал, что говорил Абросимов. Рассказал, что из генералов в майоры разжаловали, что друзья хотят помочь, но трудно, и что есть указание убрать его, Авсеенкова.

«Петр Андреевич! Отец Арсений! Не верю я в Бога, а здесь начинаю верить, надо верить. Письмо от Катерины получил от жены, и приписка в нем от моего друга, большого, влиятельного человека. Помочь хочет, эта приписка смерти подобна, в случае, если кто узнает. Старый разведчик, бесстрашный. Есть еще люди и там, на воле, не все еще в подлости утонули.

Катерина пишет, что Бога молит обо мне, вероятно, по-настоящему молит, а тут Вы мне в этом аду помогаете, сердце согреваете, одного со своими мыслями не оставляете, да и не только мне – многим. Смотрите! Каким стал Сазиков, жестокий и страшный, а теперь помягчал и верит Вам во всем. Вы не видите, а я вижу! Нет! Не Вы, а, верно, Бог Ваш все это делает Вашими руками. Не знаю, буду ли я глубоко верующим, но знаю и вижу: есть Он – Бог. Есть!»

Внесли дрова в барак. Сазиков слез с нар и тоже пошел помогать носить. Отец Арсений рассказал Сазикову какой разговор был с начальником «особого отдела», что хотят Авсеенкова руками уголовников убрать, и попросил: «Помогите, Серафим Александрович». Наедине звал Сазикова Серафимом, а не Иваном, именем вымышленным. Рассказывая, знал о. Арсений, что не выдаст и не предаст Сазиков – изменился он сильно.

«Редкий случай, – сказал Сазиков. – Поможем, убережем Александра Павловича. Человек он хороший, стоящий. Убережем, не бойтесь. У нас тоже свои секреты есть. Ребятам скажу, убережем».

Жизнь идет

Время шло. Зима окончилась, и наступила весна. Болеть и умирать заключенных стало все больше и больше. Цынга в разных ее формах охватила почти всех, лагерная больница переполнилась, люди лежали в бараках.

Отец Арсений совершенно ослаб, но свои обязанности по бараку выполнял. Сильно потеплело, было слякотно, сыро, барак приходилось топить так же часто, как и зимой, чтобы не отсырели стены и вещи.

Истощенный, еле передвигающийся, о. Арсений по-прежнему помогал людям, всем, кому мог, и его помощь несла необыкновенное внутреннее тепло людям. Помогал без просьб: подходил, оказывал помощь и молча уходил, не ожидая благодарности.

Надзирателя Веселого-Пупкова давно заменили и послали начальником лесопункта. Пришел новый надзиратель молчаливый, требовательный, но справедливый. Заключенные быстро все подметили и дали ему прозвище «Справедливый».

Надзиратель строго требовал выполнения лагерных правил и особенно следил за чистотой. Не бил и почти не ругался.

Прошло лето, короткое, но жаркое, с изнуряющим комариным облаком, вечно висящим над человеком, доводящим до изнурения и нервного расстройства.

Барак уже не топили, и о. Арсения, по преклонности лет и слабости здоровья, на тяжелые работы не посылали, а оставили убирать барак, территорию вокруг него и чистить выгребные ямы.

В «особый отдел» вызывали два раза. Первым допрашивал лейтенант Марков, но к начальству отдела не отправлял, второй раз, допросив, отправил к майору, тот был встревожен, нервничал и сказал:

«Трудное время сейчас. Строгости усилились, друг за другом слежка невероятная. Лицо я в лагере большое, все боятся, даже начальник лагеря, но никому и ничем помочь не могу. Нет людей верных, нет связующего звена. Когда еще позову? Не знаю! Просто сказать, боюсь, но ни Вас, ни Александра Павловича ни на одну минуту не забываю и из вида не упускаю. Записку опять Александру Павловичу передайте, не забыт он в Москве, протокол допроса подпишите, заранее написал. Делаются кругом дела страшные, и я тоже их пособник».

Записку о. Арсений передал Авсеенкову и тот опять воспрянул духом.

Спешите делать добро

Последнее время о. Арсений стал сильно уставать, еле-еле справлялся с уборкой барака, и, видя это, заключенные помогали ему. Держался он одной молитвой. Знающим его казалось временами, что живет он не в лагере, а где-то далеко-далеко, в каком-то особом, одному ему известном, светлом мире. Бывало, работает, губы беззвучно шепчут слова молитвы, и вдруг он радостно и как-то по-особенному светло улыбнется и станет каким-то озаренным, и чувствуется, что сразу прибавится в нем сила и бодрость. Но никогда это внутренне-углубленное его состояние не мешало ему видеть трудности окружающих его людей и стремиться помочь им.

Люди верующие, общаясь с ним, видели, что душа о. Арсения как бы вечно пребывала на молитвенном служении в храме Божиим, вечно стремилась раствориться в стремлении творить добро.

Оказывая помощь человеку, о. Арсений не размышлял, кто этот человек и как он отнесется к его помощи. В данный момент он видел только человека, которому нужна помощь, и он помогал этому человеку. Думали когда-то заключенные, что он заискивает, ждет благодарности. Оказалось, не то. Потом стали называть его «блаженненький», и это оказалось не то.

Большинство поняло его. Изменился барак по отношению к о. Арсению. Интеллигенция видела в нем ученого, совместившего веру и знания. Бывшие коммунисты по поведению о. Арсения по-другому стали рассматривать веру и верующего, и многим из них верующий не казался «мракобесом».

Верующие видели в нем иерея или старца, достигшего духовного совершенства и несшего в лагере свой подвиг. Смотря на жизнь о. Арсения в лагере, многие люди находили спокойствие и в какой-то мере примирялись с жизнью в лагере.

Уголовники защищали о. Арсения и относились к нему уважительно – по-своему. Если кто-либо из вновь пришедших заключенных пытался обидеть его, то давали понять, что за это могут избить. Было довольно много случаев, когда уголовники прибегали к духовной помощи о. Арсения, они понимали и видели, что он не избегал и не сторонился их, как другие заключенные. Самое главное, о. Арсений никого не боялся.

«Где двое или трое собраны во имя мое»

В одну из зим поступил с этапа в барак юноша лет двадцати трех, студент, осужденный на 20 лет по 58-й статье. Лагерной житейской премудрости еще в полной мере не набрался, так как сразу после приговора попал из Бутырок в «особый».

Молодой, зеленый еще, плохо понимавший, что с ним произошло, попав в «особый», сразу столкнулся с уголовниками. Одет парень был хорошо, не обносился еще по этапам, увидели его уголовники во главе с Иваном Карим и решили раздеть. Сели в карты играть на одежду парня. Все видят, что разденут его, а сказать никто ничего не может, даже Сазиков не смел нарушить лагерную традицию. Закон – на «кон» парня поставили – молчи, не вмешивайся. Вмешался – прирежут.

Те из заключенных, кто долго по лагерям скитался, знали, что если на их барахло играют, сопротивляться нельзя – смерть.

Иван Карий всю одежду с парня выиграл, подошел к нему и сказал: «Снимай, дружок, барахлишко-то».

Ну и началось. Парня Алексеем звали, не понял сперва ничего, думал, смеются, не отдает одежду. Иван Карий решил для барака «комедию» поставить, стал с усмешкой ласково уговаривать, а потом бить начал. Алексей сопротивлялся, но уже теперь барак знал, что парень будет избит до полусмерти, а может быть, и забит насмерть, но «концерт» большой будет.

Затаились, молчат все, а Иван Карий бьет и распалается. Алексей пытается отбиться, да где там, кровь ручьем по лицу течет. Уголовники для смеха на две партии разделились, и одна Алексея подбадривает.

Отец Арсений во время «концерта» этого дрова около печей укладывал в другом конце барака и начала не видел, а тут подошел к крайней печке и увидел, как Карий студента Алешку насмерть забивает. Алексей уже только руками закрывается, в крови весь, а Карий озверел и бьет и бьет. Конец парню.

Отец Арсений дрова молча положил перед печью и спокойно пошел к месту драки и на глазах изумленного барака схватил Карего за руку, тот удивленно взглянул и потом от радости даже взвизгнул. Поп традицию нарушил, в драку ввязался. Да, за это полагалось прирезать. Ненавидел Карий о. Арсения, но не трогал, барака боялся, а тут законный случай сам в руки идет.

Бросил Карий Алешку бить и проговорил: «Ну поп, обоим вам конец, сперва студента, а потом тебя».

Заключенные растерялись. Вступись – все уголовники, как один, поднимутся. Карий нож откуда-то достал и бросился к Алешке.

Что случилось? Никто толком понять не мог, но вдруг всегда тихий, ласковый и слабый о. Арсений выпрямился, шагнул вперед к Карему и ударил его по руке, да с такой силой, что у того нож выпал из руки, а потом оттолкнул Карего от Алексея. Качнулся Карий, упал и об угол нар разбил лицо, и в этот момент многие засмеялись, а о. Арсений подошел к Алексею и сказал: «Пойди, Алеша, умойся, не тронет тебя больше никто», – и, будто бы ничего не случилось, пошел укладывать дрова.

Опешили все. Карий встал. Уголовники молчат, поняли, что Карий свое «лицо потерял» перед всем баракком.

Кто-то кровь по полу ногой растер, нож поднял. У Алешки лицо разбито, ухо надорвано, один глаз совсем закрылся, другой багровый. Молчат все. Несдобровать теперь о. Арсению и Алексею, прирежут уголовники. Обязательно прирежут.

Случилось, однако, иначе. Уголовники поступок о. Арсения расценили по-своему увидев в нем человека смелого и, главное, необыкновенного. Не побоялся Карего с ножом в руках,

а Карего боялся весь барак. Смелость уважали и за смелость по-своему любили. Доброту и необыкновенность о. Арсения давно знали. Карий к своему лежаку ушел, с ребятами шепчется, но чувствует, что его не поддержат, раз сразу не поддержали.

Прошла ночь. Утром на работу пошли, а о. Арсений делами по бараку занялся: топил печи, убирает, грязь скребет.

Вечером заключенные пришли с работы, и вдруг перед самым закрытием барака влетел с несколькими надзирателями начальник по режиму.

«Встать в шеренгу», – заорал. Вскочили, стоят, а начальник пошел вдоль шеренги, дошел до о. Арсения и начал его бить, а Алексея надзиратели из шеренги выволокли.

«За нарушение лагерного режима, за драку попа 18376 и P281 в холодный карцер № 1, на двое суток, без жратвы и воды», – крикнул начальник.

Донес, наклепал Карий, а это среди уголовников считалось самым последним, позорным делом.

Карцер № 1 – небольшой домик, стоящий у входа в лагерь. В домике было несколько камер-одиночек и одна камера на двоих, с одним узким лежаком, вернее – доской шириною сантиметров сорок. Пол, стены, лежак были сплошь обиты листовым железом. Сама камера была шириной не более трех четвертей метра, длиной два метра.

Мороз на улице тридцать градусов, ветер, дышать трудно. На улицу выйдешь – так сразу коченеешь. Поняли заключенные барака – смерть это верная. Замерзнут в карцере часа через два. Наверняка замерзнут. При таком морозе в этот карцер не посылали, при пяти-шести градусах, бывало, посылали на одни сутки. Живыми оставались лишь те, кто все двадцать четыре часа прыгал на одном месте. Перестанешь двигаться замерзнешь, а сейчас минус тридцать. Отец Арсений старик, Алексей избит, оба истощены.

Потащили обоих надзиратели. Авсеенков и Сазиков из строя вышли и обратились к начальнику: «Гражданин начальник! Замерзнут на таком морозе, нельзя их в этот карцер, умрут там». Надзиратели наподдали обоим так, что от одного барака до другого очумелыми летели.

Иван Карий голову в плечи вобрал, чувствует, что не жилец он в бараке, свои же за донос пришьют.

Привели о. Арсения и Алексея в карцер, втолкнули. Упали оба, разбились, кто обо что. Остались в темноте. Поднялся о. Арсений и проговорил: «Ну! Вот и привел Господь вдвоем жить. Холодно, холодно, Алеша. Железо кругом».

За дверь громыхал засов, щелкал замок, смолкли голоса и шаги, и в наступившей тишине холод схватил, сжал обоих. Сквозь узкое решетчатое окно светила луна, и ее молочный свет слабо освещал карцер.

«Замерзнем, о. Арсений, – простонал Алексей. – Из-за меня замерзнем. Обоим смерть, надо двигаться, прыгать, и все двое суток. Сил нет, весь разбит, холод уже сейчас забирает. Ноги околели. Так тесно, что и двигаться нельзя. Смерть нам, о. Арсений. Это не люди! Правда? Люди не могут сделать того, что сделали с нами. Лучше расстрел!»

Отец Арсений молчал. Алексей пробовал прыгать на одном месте, но это не согревало. Сопrotивляться холоду было бессмысленно. Смерть должна была наступить часа через два-три, для этого их и послали сюда.

«Что Вы молчите? Что Вы молчите, о. Арсений?» почти кричал Алексей, и, как будто пробиваясь сквозь дремоту, откуда-то издалека прозвучал ответ:

«Молюсь Богу, Алексей!»

«О чем тут можно молиться, когда мы замерзаем?» – проговорил Алексей и замолчал.

«Одни мы с тобой, Алеша! Двое суток никто не придет. Будем молиться. Первый раз допустил Господь молиться в лагере в полный голос. Будем молиться, а там воля Господня».

Холод забирал Алексея, но он отчетливо понял, что сходит с ума о. Арсений. Тот, стоя в молочной полосе лунного света, крестился и вполголоса что-то произносил.

Руки и ноги окоченели полностью, сил двигаться не было. Замерзал. Алексею все стало безразлично.

Отец Арсений замолк, и вдруг Алексей услышал отчетливо произносимые о. Арсением слова и понял: это молитва.

В церкви Алексей был один раз из любопытства. Бабка когда-то его крестила. Семья неверующая, или, вернее сказать, абсолютно безразличная к вопросам религии, не знающая, что такое вера. Алексей – комсомолец, студент. Какая могла быть здесь вера?

Сквозь оцепенение, осознание наступающей смерти, боль от побоев и холода сперва смутно, но через несколько мгновений отчетливо стали доходить до Алексея слова: «Господи Боже! Помилуй нас грешных, Многомилостиве и Всемилолюбиве Боже наш, Господи Иисусе Христе, многия ради любве сшел и воплотился еси, яко да спасеши всех. По неизреченной Твоей милости спаси и помилуй нас и отведи от лютыя смерти, ибо веруем в Тя, яко Ты еси Бог наш и Создатель наш...» И полились слова молитвы, и в каждом слове, произносимом о. Арсением, лежала глубочайшая любовь, надежда, упование на милость Божию и незыблемая вера.

Алексей стал вслушиваться в слова молитвы. Вначале смысл их смутно доходит до него, было что-то непонятное, но, чем больше холод охватывал его, тем отчетливые осознавал он значение слов и фраз. Молитва наполняла душу спокойствием, выводила от леденящего сердце страха и соединяла со стоящим с ним рядом стариком – о. Арсением.

«Господи Боже наш Иисусе Христе! Ты рекл еси пречистыми устами Твоими, когда двое или трое на земле согласятся просить о всяком деле, дано будет Отцом Моим Небесным, ибо где двое или трое собраны во Имя Мое, там и Я посреди них...» И Алексей повторял: «... дано будет Отцом Моим Небесным, ибо где двое или трое собраны во Имя Мое, там и Я посреди них...»

Холод полностью охватил Алексея, все застыло в нем. Лежал ли, сидел на полу, или стоял, он не сознавал. Все леденело. Вдруг наступил какой-то момент, когда карцер, холод, оцепенение тела, боль от побоев, страх исчезли. Голос о. Арсения наполнял карцер. Да карцер ли? «Там Я посреди них...» Кто же может быть здесь? Посреди нас. Кто? Алексей обернулся к о. Арсению и удивился. Все кругом изменилось, преобразилось. Пришла мучительная мысль: «Брежу, конец, замерзаю».

Карцер раздвинулся, полоса лунного света исчезла, было светло, ярко горел свет, и о. Арсений, одетый в сверкающие белые одежды, воздев руки вверх, громко молился. Одежды о. Арсения были именно те, которые Алексей видел на священнике в церкви.

Слова молитв, читаемые о. Арсением, сейчас были понятны, близки, родственны – проникали в душу. Тревоги, страдания, опасения ушли, было желание слиться с этими словами, познать их, запомнить на всю жизнь.

Карцера не было, была церковь. Но как они сюда попали, и почему еще кто-то здесь, рядом с ними? Алексей с удивлением увидел, что помогали еще два человека, и эти двое тоже были в сверкающих одеждах и горели необъяснимым белым светом. Лиц этих людей Алексей не видел, но чувствовал, что они прекрасны.

Молитва наполнила всё существо Алексея, он поднялся, встал рядом с о. Арсением и стал молиться. Было тепло, дышалось легко, ощущение радости жило в душе. Все, что произносил о. Арсений, повторял Алексей, и не просто повторял, а молился с ним вместе.

Казалось, что о. Арсений слился воедино со словами молитв, но Алексей понимал, что он не забывал его, а все время был с ним и помогал ему молиться.

Ощущение, что Бог есть, что Он сейчас с ними, пришло к Алексею, и он чувствовал, видел своей душой Бога, и эти двое были Его слуги, посланные Им помогать о. Арсению.

Иногда приходила мысль, что они оба уже умерли или умирают, а сейчас бредят, но голос о. Арсения и его присутствие возвращали к действительности.

Сколько прошло времени, Алексей не знал, но о. Арсений обернулся и сказал: «Пойди, Алеша! Ложись, ты устал, я буду молиться, ты услышишь». Алексей лег на пол, обитый железом и закрыл глаза, продолжая молиться. Слова молитвы заполнили все его существо: «...согласятся просить о всяком деле, дано будет Отцом Моим Небесным...» На тысячи ладов откликалось его сердце словам: «...Собраны во Имя Мое...» «Да, да! Мы не одни!» – временами думал Алексей, продолжая молиться.

Было спокойно, тепло, и вдруг откуда-то пришла мать и, как это было еще год тому назад, накрыла его чем-то теплым. Руки ее обняли его голову и прижали ее к своей груди. Он хотел сказать: «Мама, ты слышишь, как молится о. Арсений? Я узнал, что есть Бог. Я верю в Него».

Хотел ли он сказать или сказал, но мать ответила: «Алешенька! Когда тебя взяли, я тоже нашла Бога, и это дало мне силы жить».

Было хорошо, ужасное исчезло. Мать и о. Арсений были рядом. Прежде незнакомые слова молитв сейчас обновили, согрели душу, вели к прекрасному. Необходимо было сделать все, чтобы не забыть эти слова, запомнить на всю жизнь. Надо не расставаться с о. Арсением, всегда быть с ним.

Лежа на полу у ног о. Арсения, Алексей слушал в легком полубытьи прекрасные слова молитв. Было беспредельно хорошо. Отец Арсений молился, и двое в светлых одеждах молились и прислуживали ему и, казалось, удивлялись тому, как молится этот человек. Сейчас он уже ничего не просил у Господа, а славил Его и благодарил. Сколько времени продолжалась молитва о. Арсения и сколько времени лежал в полубытьи Алексей, никто из них не помнил.

В памяти Алексея остались только слова молитв, согревающий и радостный свет, молящийся о. Арсений, двое служащих в одеждах из света и огромное, ни с чем не сравнимое чувство внутреннего обновляющего тепла.

Били по дверному засову, визжал замерзший замок, раздавались голоса. Алексей открыл глаза. Отец Арсений еще молился. Двое в светлых одеждах благословили его и Алексея и медленно вышли. Ослепительный свет постепенно исчезал, и карцер снова стал темным и холодным, и мрачным.

«Вставайте, Алексей! Пришли», – сказал о. Арсений. Алексей встал. За дверью были начальник лагеря, главный врач, начальник по режиму и начальник «особого отдела» Абрисимов. Кто-то из лагерной администрации говорил: «Это недопустимо, могут сообщить в Москву. Кто знает, как на это посмотрят. Мороженые трупы – не современно».

В карцере стояли: старик в телогрейке, парень в разорванной одежде с кровоподтеками и синяками на лице. Выражение лиц того и другого было спокойным, одежда покрылась толстым слоем инея.

«Живы? – изумлено спросил начальник лагеря. – Как вы тут прожили двое суток?»

«Живы, гражданин начальник лагеря», – ответил о. Арсений.

Пришедшие удивленно переглянулись.

«Обыскать», – бросил начлага.

«Выходи», – крикнул один из пришедших надзирателей.

Отец Арсений и Алексей вышли из карцера. Сняв перчатки, стали обыскивать. Врач также снял перчатку, засунул руку под одежду о. Арсения и Алексея и задумчиво, ни к кому не обращаясь, сказал: «Удивительно! Как могли выжить! Действительно, теплые».

Войдя в камеру и внимательно осмотрев ее, врач спросил: «Чем согревались?» И о. Арсений ответил: «Верой в Бога и молитвой».

«Фанатики. Быстро в барак», – раздраженно сказал кто-то из начальства. Уходя, Алексей слышал спор, возникший между пришедшими. Последняя фраза, дошедшая до его слуха, была: «Поразительно! Необычный случай, они должны были прожить при таком морозе не более

четырёх часов. Это поразительно, невероятно, учитывая 30-градусный мороз. Вам повезло, товарищ начальник лагеря по режиму! Могли быть крупные неприятности».

Барак встретил о. Арсения и Алексея, как воскресших из мертвых, и только все спрашивали: «Чем спасались?» – на что оба отвечали: «Бог спас». Ивана Карего через неделю перевели в другой барак, а еще через неделю придавило его породой. Умирал мучительно. Ходили слухи, что своя же братва помогла породе придавить его.

Алексей после карцера словно переродился, он привязался к о. Арсению и всех, находившихся в бараке, расспрашивал о Боге и о православных службах.

Надзиратель справедливый

Надзирателя Веселого сменили и вместо него назначили нового, которому за неукоснительное требование по выполнению лагерных правил, но справедливое отношение к заключенным дали прозвище «Справедливый».

К о. Арсению новый надзиратель относился безразлично, и если находил какие-то неполадки, то говорил насмешливо:

«Службу, службу, батюшка, надо исправно править».

Скажет и пойдет, а через час зайдет проверить.

Летом со Справедливым произошел необычный случай. Пошел он осматривать бараки, территорию вокруг них, а о. Арсений в это время подметал дорожки между бараками.

Прошел Справедливый по баракам, остановился на одной дорожке, вынул что-то из кармана бокового, раскрыл бумажник, посмотрев, положил назад и пошел дальше.

Отец Арсений, подметая дорожки, дошел до того места, где стоял надзиратель, и увидел, что на земле валяется красная книжечка, поднял, а это оказался партийный билет Справедливого. Отец Арсений поднял билет, положил в карман телогрейки, закончил подметать и пошел убирать барак, но поглядывает в окно, не идет ли надзиратель. Часа через два бежит Справедливый сам не свой. Отец Арсений вышел из барака и пошел ему навстречу. Потерять партийный билет, да еще в лагере, было бы для надзирателя в то время подобно смерти. Справедливый все это понимал. Бежит Справедливый по лагерной дорожке, лицо от расстройства почернело, под ноги смотрит и все вокруг внимательно рассматривает, а народ по дорожкам уже ходил. Отец Арсений подошел к надзирателю и сказал: «Гражданин надзиратель! Разрешите обратиться!» Лицо Справедливого перекосилось от злости, и он закричал: «Прочь, поп, с дороги», – и даже размахнулся для удара, а о. Арсений молча подал ему билет и пошел в барак. Справедливый билет схватил и закричал: «Стой!» И, подойдя, спросил: «Ну! Кто видел?» – «Никто не видел, гражданин надзиратель. Нашел на дорожке часа два тому назад».

Повернулся Справедливый и пошел. Ничего вроде бы не изменилось, но стал надзиратель с о. Арсения все строже спрашивать, и подумалось, уж не хочет ли Справедливый убрать о. Арсения как нежелательного свидетеля. В лагерях такие дела просто делались, убил надзиратель заключенного, а докладывает начальству: «Напал на меня», и благодарность еще за бдительность получит.

Убрать заключенные в лагере существовала тысяча разных способов, и все они были безнаказанными.

Время шло...

«Матерь Божия! Не остави их!»

В основу написанного здесь положены воспоминания о. Арсения, рассказанные им самим близким своим духовным детям, а также и мне.

Мои послелагерные встречи с Авсеенковым, Сазиковым и Алексеем-студентом также послужили основой для восстановления всего происшедшего, так как эти люди присутствовали при физической смерти о. Арсения в бараке, а также были очевидцами его возвращения к жизни.

Написав все это, я счел необходимым показать рукопись о. Арсению. Он, прочтя ее, долго молчал и на мой вопрос: «Разве что не так?» – ответил: «Великую милость явили мне Господь и Матерь Божия, показав самое сокровенное и великое – душу человеческую, исполненную Веры, Любви и Добра. Показали, что никогда не оскудеет вера и множество людей несет ее в себе, одни пламенно, другие трепетно, иные несут в себе искру, и необходим приход пастыря, чтобы возгорелась малая искра в неугасимое пламя веры. Показал Господь, что люди, несущие веру, и особенно пастыри душ человеческих, должны помогать и бороться за каждого человека до последних сил своих и последнего своего вздоха, и основой борьбы за душу являются любовь, добро и помощь ближнему своему, оказываемая не ради себя, а ради брата своего. По отношению человека люди судят о вере и Христе, ибо сказано: «От дел своих оправдаешься и от дел своих осудишься». И еще сказано: «Друг друга тяготы носите, и тако исполните закон Христов».

То, что произошло со мною, было для меня величайшим уроком, наставлением и поставило меня на свое место. Будучи много лет в лагерях и сохраняемый в них милостью Божией, я подумал, что верой я силен, но, когда умер, показали мне Господь и Матерь Божия, что недостойн я даже коснуться одежды многих людей, находящихся в заключении, и должен учиться, и учиться у них. Смирил меня Господь, поставил на место, которое должен был я занимать, показал глубокое мое несовершенство и дал время на исправление моих ошибок и заблуждений. Исправил ли я их только? Господи! Помогите мне!»

Сказав это, о. Арсений взял рукопись и через несколько дней возвратил мне ее. Читая после просмотра написанное, я увидел внесенные им исправления и дописанные места. Вот в таком виде и лежит перед вами эта тетрадка. Отдавая мне рукопись, о. Арсений сказал: «Пока я жив, не показывайте никому, а умру – тогда и читать можно».

* * *

Жаркое изнурительное лето и тучи вечно жужжащего гнуса сменила промозглая, дождливая и холодная осень. Землю попеременно охватывал то мороз, то потоки оттаявшей грязи. В бараке было сыро и холодно и поэтому по-особенному тяжело. Одежда на заключенных неделями не просыхала, мокрые ноги были вечно стертые и постоянно болели. Началась повальная эпидемия тяжелого лагерного гриппа.

Ежедневно в бараке умирало по три-пять человек. Дошла очередь и до о. Арсения. Слег он. Температура за сорок, озноб, кашель, мокрота, сердце отказывается работать.

В «особом» при повальных гриппозных заболеваниях в больницу не клали; вот если ногу, руку отрезало или сломали, голова пробита, то клали на излечение, а при любой форме гриппа лежи и лечись в бараке. В лагерях «закон»: на ногах стоишь – работай, упал – докажи, что не симулянт. Доказал – будут лечить, если начальство одобрит.

В лагере установлен план выработки на каждого заключенного, начальство за перевыполнение плана ежемесячную премию получает. Заключенный хотя этого и не видит, но за

ним идет контроль рублем. Начальство обязано соблюдать лагерный режим, так что «телячьи нежности» разводиться некогда.

Заболел заключенный, температура высокая, надо у надзирателя-воспитателя просить разрешения, чтобы идти в санчасть. Там температуру замерят, если ниже 39 градусов, то топай на работу, а заспиришь – в карцер засадят, и надзиратель в морду даст для повышения твоей сознательности. Если температура выше тридцати девяти – лежи в бараке, но каждый день являйся в санчасть. Когда же лежишь в бараке без памяти, по вызову старшего по бараку придет фельдшер, смеряет температуру, бросит лекарство, ну тогда лежи, выкарабкивайся, но не прозевай, когда температура до тридцати восьми упадет.

В общем, закон: если ходить можешь, лучше иди работай, с лагерными врачами не связывайся. Врачи в «особом» вольнонаемные, дело свое хорошо знали, чуть что крик: «Симулянт! Марш на работу. В карцер пошлю!» В лагере среди заключенных врачей было много, но работать по специальности им не разрешали, а использовали на общих работах, и при этом тяжелых.

Когда заболел о. Арсений, на третий день болезни врач из заключенных осмотрел его, позвал для консультации профессора-легочника, тот тоже прослушал. Постояли, поговорили между собой и сказали Авсеенкову: «У больного общее воспаление легких, полное истощение, авитаминоз, сердце изношено. Дела его плохи, вряд ли проживет больше двух дней. Нужны лекарства, кислород, уход, но при таком истощении всего организма уже ничего не поможет».

Отец Арсений почти старик. В «особом» не один год, за это время барак не один раз обновлялся, из «старожилов» осталось человек десять-двенадцать. Глядя на «старожилов», начальство лагерное и сами заключенные искренне удивлялись – как и почему эти «патриархи» барака еще живы.

Вызвали через надзирателя фельдшера, осмотрел он о. Арсения издали, с расстояния двух метров, бросил аспирин, градусник дал Авсеенкову, чтобы тот измерил температуру о. Арсению, посмотрел, что сорок с лишним, и, сказав «грипп», ушел.

Друзья видят, что пришел его черед умирать, пытаются спасти. Окольными путями послали в больницу ходока, включились в помощь дружки из уголовников, обхаживают надзирателей, где-то достали сухую горчицу малину несли все, что могли. Ходок, проникший через верных людей в больницу просит помощи, лекарства, рассказывает, что с о. Арсением. Врач ходока выслушал и спросил: «Сколько лет зеку и в лагере который год?» Ходок объясняет, что больному сорок девять и в «особом» три года.

Врач на это только ответил: «Вы что, думаете, что лагерь «особого режима» – санаторий и зеки в нем до ста лет должны жить? Ваш больной рекордсмен, три года прожил. Пора и честь знать. Лекарств нет, для фронта нужны».

... Температура поднималась, все чаще и чаще исчезало сознание. Авсеенков аспирином с малиной о. Арсения поит, Сазиков тряпку горчицей обмазал и положил на грудь и спину. Врачи из заключенных, придя с работы, тоже помогают, чем могут, но о. Арсению становится все хуже и хуже. Умирает.

Смерть в лагере дело обычное, привыкли все к ней, а тут все, как один человек, как-то по-особому переживали. (Из конца в конец только и слышалось: «Умирает о. Арсений, умирает Петр Андреевич». Ибо для каждого сделал он что-то хорошее, доброе. Уходил человек необычный, понимали это и политические, и уголовники.) (Фраза в скобках включена мною в воспоминания только после смерти о. Арсения и принадлежит Сазикову и Алексею-студенту).

Молится и молится о. Арсений, чувствует помощь друзей своих, но постепенно стал затихать.

«Отходит», – проговорил кто-то. Затих о. Арсений и сам чувствует, что умирает. Барак, Сазиков, Авсеенков, Алексей, врач Борис Петрович – все куда-то ушло, провалилось, пропало.

Через какое-то время о. Арсений почувствовал необычайную легкость, охватившую его, и услышал, что его окружает тишина. Спокойствие пришло к нему. Одышка, мокрота, заливавшая горло, жар, сжигавший тело, слабость и беспомощность исчезли. Он чувствовал себя здоровым и бодрым.

Сейчас о. Арсений стоял около своих нар, а на них лежал худой, истощенный, небритый, почти седой человек со сжатыми губами и полуоткрытыми глазами. Около лежащего стояли: Авсеенков, Сазиков, Алексей и еще несколько заключенных, знаемых и любимых о. Арсением. Отец Арсений стал вглядываться в лежащего человека и вдруг с удивлением осознал, что это же лежит он, о. Арсений.

Друзья, собравшиеся около нар, огромный барак с его многочисленным населением, обширный лагерь вдруг стали как-то особенно видны о. Арсению, и он понял, что сейчас видит не только физический облик людей, но и душу их.

Сквозь охватившую его тишину он видел движение заключенных, не слышал, но почему-то отчетливо понимал, что говорили и думали эти люди. Со страхом понял о. Арсений, что видит состояние и содержание каждой души человеческой, но, однако, он уже не был с этими людьми, он уже не жил в том мире, из которого только что ушел.

Невидимая черта четко отделяла его от этого мира, и эту невидимую черту он не мог преодолеть.

Вот Сазиков поднес кружку с водой к «его» губам и попытался влить в рот, но не смог. Вода облила лицо. Что-то говорили между собой Авсеенков, и Алексей, и другие стоящие люди.

Отец Арсений, стоя в ногах своего собственного тела, смотрел на себя и окружающих людей, как посторонний, и вдруг понял, что душа его покинула тело, и он, иерей Арсений, физически мертв.

Отец Арсений растерянно оглянулся, барак уходил в темноту, но где-то в темноте, далеко-далеко горел ослепительный свет.

Сосредоточившись, о. Арсений стал молиться и сразу почувствовал спокойствие, понял, что надо куда-то идти и пошел к ослепительному свету, но, сделав несколько шагов, вернулся в барак, подошел к своим нарам и, смотря на Алексея, Александра Павловича, Иванова, Сазикова, Авсеенкова и многих, многих, с кем проходил в лагере тернистый путь страданий, понял, что не может оставить этих людей, не может уйти от них.

Став на колени, он стал молиться, умоляя Господа не оставить Алексея, Авсеенкова, Александра, Федора, Сазикова и всех тех, с кем он жил в лагере.

«Господи! Господи! Не оставь их! Помоги и спаси!» – зывал он и особенно просил Матерь Божию, умоляя Ее не покинуть, не оставить Милостью Своей заключенных «особого».

Молясь, плача, умоляя и взывая ко Господу, Матери Божией и Святым, просил о. Арсений милости, но все было безмолвным, и только барак и весь лагерь предстали перед духовным взором иерея Арсения как-то особенно. Весь живущий лагерь со всеми живущими в нем заключенными и охраной увидел о. Арсений как бы изнутри. Каждый человек нес в себе душу, которая сейчас была осязательно видна о. Арсению.

У одних душа была объята пламенем веры и опаляла этим пламенем окружающих, у других, как у Сазикова и Авсеенкова, горела небольшим, но все разгорающимся огнем, у некоторых искры веры тлели, и нужен был только приход пастыря, чтобы раздуть их в пламя. Но были люди, у которых душа была темной, мрачной, без малейшего намека на искру Света. Всматриваясь сейчас в души людей, раскрывшиеся ему по велению Божию, о. Арсений испытал величайшее волнение.

«Господи! Господи! Я жил среди этих людей и не замечал, и не видел их. Сколько прекрасного несут они в себе, сколько здесь настоящих подвижников веры, нашедших себя среди окружающего мрака духовного и невыносимых человеческих страданий, и не только нашед-

ших себя для себя, но отдающих жизнь свою и любовь окружающим людям, помогающих всем словом своим и делом.

Господи! Где же я был, ослепленный своею гордостью и малое делание мое принявший за большое!»

Отец Арсений видел, что Свет веры горел не только у заключенных, но был у некоторых людей охраны и администрации, по мере сил своих и возможностей совершавших добро, а для них это было большим подвигом.

«К чему все это, – пронеслось в мыслях о. Арсения, – к чему?» Он стоял, всматриваясь в духовный мир людей, людей, с которыми он постоянно жил, общался, говорил или видел, и каким неожиданно многообразным и духовно прекрасным предстал он перед ним. Люди, казавшиеся в общей массе заключенных духовно опустошенными и обезличенными, несли в себе столько веры, столько неисчерпаемой любви к окружающим, совершали добро и безропотно несли свой жизненный крест, а он, о. Арсений, живя с ними рядом, он – иеромонах Арсений – видел только около себя и не заметил их, не увидел этого, не нашел общения с этими людьми.

«Господи! Где же был я? Прости и помилуй мя, что я видел только себя и обольщался собой, мало верил в людей».

Склонившись, о. Арсений долго молился. Поднявшись с колен, он увидел, что стоит еще в лагере, но раскрывшееся ему видение лагеря исчезло, пропали и нары, и барак. Отец Арсений стоял у выхода из лагеря, кинжальные лучи прожекторов пробежали по территории его, у ворот стояли часовые. Была ночь, лагерь спал.

Обернувшись к лагерю, о. Арсений благословил его и стал молиться о тех, кто оставался в нем:

«Господи! Как я оставлю их? Как буду без них? Не остави всех здесь живущих Своею милостью. Помогите им», – и, опустившись на колени в снег, стал молиться.

Было холодно, ветер бросал снег, а о. Арсений стоял и ничего не чувствовал. Он долго молился и, поднявшись с колен, вышел из лагеря. Миновал охрану и пошел по дороге. В темноте ночи где-то далеко-далеко горел яркий зовущий свет, вот к нему и пошел о. Арсений. Шел легко, спокойно. Миновал лес, поселок и вдруг вошел в свой город, где была его, именно его церковь. Церковь, где он начинал служение, церковь-храм, в которую он вложил вместе со своими духовными детьми много сил, чтобы восстановить старинное, древнее ее великолепие. «Что это, Господи! Почему я здесь?» – проговорил он про себя и вошел в церковь.

Первое, что он увидел, была икона Божией Матери, та древняя чудотворная икона, скорбный лик которой проникновенно и внимательно взирал на приходящих к Ней. В церкви все было так же, как он когда-то оставил ее, но сейчас она была полна народа, причем собравшихся было необычайно много. Лица молящихся были радостными и смотрели на икону Божией Матери.

Отец Арсений пошел к алтарю, молящиеся расступились, образуя проход, и он, с восторгом и благоговением смотря на иконы, как-то особенно легко шел вперед. Войдя в алтарь, стал готовиться к служению, хотел снять телогрейку, чтобы одеть облачение, но кто-то стоящий рядом повелительно сказал: «Не снимайте, это тоже облачение для служения». Взглянув, о. Арсений увидел свою стеганку, но она была какая-то сверкающая, ослепительно белая. Надев епитрахиль, он стал совершать служение и удивился: алтарь был залит ярким светом, вся церковь светилась, иконы как-то особенно выглядели на стенах и, казалось, ожили, молящихся было много, и они все углубились в молитву, и при этом лица их были радостными.

Совершая обедню, о. Арсений увидел, что вместе с ним служат иеросхимонах Герман, иерей Амвросий, дьякон Петр и еще несколько иереев. И он, о. Арсений, знает всех сослужащих с ним, а сбоку в алтаре скромно стоят владыки Иона, Антоний, Борис, его духовный отец и друг владыка Феофил, и они радостно смотрят на него, о. Арсения.

«Господи! – подумалось о. Арсению. – Ведь они давно умерли, а сейчас здесь. Хорошо, что мы вместе».

Служит о. Арсений, а душу его переполняет радость, молитва охватывает всего и поднимает ввысь.

Благословляя молящихся, увидел о. Арсений, что стоящих он тоже знает. Вот дети его духовные, вот прихожане этой церкви, а этих встречал и общался в своих странствиях или лагерях, жил когда-то с этими людьми. И все эти люди за кого-то молятся, просят. Взглянул о. Арсений на этих людей и отчетливо понял, что они, как и владыки и священники, сослужащие с ним, умерли, кто давно, а кто и недавно.

«Матерь Божия, что же это такое?» – пронеслось в мыслях о. Арсения, но, не ответив себе на этот вопрос, весь ушел в служение и молитву. Совершает обедню о. Арсений и чувствует, что сгорает он от радости и тепла внутреннего. Принял Святых Тайн, окончил служение и припал к образу Царицы Небесной Владимирской, моля о прощении грехов своих:

«Призвал меня, Мати Божия, на суд Свой Отец Небесный, ибо умер я, не остави меня, грешного и буди заступница и ходатаица о душе моей грешной у Царя Небесного. Не остави меня. На Тя уповаю, аз есмь грешен и недостоин». Молясь о прощении грехов своих, просил он Матерь Божию не оставить Своею помощью всех, кого знал и кто оставался в миру. Просил за детей своих духовных и за тех, кто в лагерях с ним жил и там оставался. Просил за Алексея-студента, Сазикова, Авсеенкова, Абросимова, Алчевского и многих, многих лагерных. Ушел весь в молитву, забыл о времени и так просил Царицу Небесную, что, казалось, молящиеся в храме слышали его молитву. Бесперывно повторяя: «Мати Божия! Не остави их, страждущих», – плакал об оставленных навзрыд, заливаясь слезами.

Сжимается, ноет сердце о. Арсения как же будут жить друзья его, оставленные в лагере? Знает – тяжело там, невыносимо и, припадая к иконе Божией Матери, просит и просит не оставить друзей его, помочь им, облегчить страдания и муки, превышающие меру человеческих тягот... И вдруг услышал голос, исполненной необычайной мягкости, отчетливости и в то же время повелительности:

«Не пришел еще час смерти твоей, Арсений. Должен ты еще послужить людям. Господь посылает тебя помогать детям моим. Иди и служи, не оставлю тебя помощью Своею».

Отец Арсений поднял голову, взглянул на икону и увидел, что Матерь Божия как бы сошла с иконы и стоит на месте ее. Отец Арсений, пораженный, упал у ног Матери Божией и только повторяет: «Матерь Божия, не остави их. Помилуй мя грешного», – и опять услышал голос: «Подними лицо свое, Арсений, взгляни на Меня и скажи Мне, что хотел сказать и думал».

Поднял лицо о. Арсений, взглянул на Матерь Божию и, пораженный добротой Ее и величием неземным, склонившись низко, сказал:

«Матерь Божия, Владычица! Да исполнится воля Твоя и Господа, но я стар и немощен. Смогу ли я послужить людям, как Ты, Владычица, хочешь?»

А Матерь Божия продолжала: «Не один ты у Меня, Арсений, со многими людьми служить Мне будешь, помогут тебе, и ты с ними многим поможешь. Показал тебе Господь сейчас, что у Него помощников много. Показал тебе Господь души людей, населяющих лагерь, не думай, что ты один совершаешь добро, во многих людях живет вера и любовь. Иди и служи Мне. Помогу тебе». И почувствовал о. Арсений, что коснулась головы его рука Матери Божией.

Встал о. Арсений с колен, вознес молитву еще и еще раз, снял епитрахиль, поклонился всем молящимся и священству и опять понял, что всех молящихся в храме знает, большинство из них провожал он в последний путь и жизнь свою как-то связал с этими людьми.

Подошел к Царским вратам, встал на колени и, поднявшись с колен, обратился к молящимся, прося их молитв и помощи, и пошел к выходу из храма, благословляемый народом. Вышел из храма, душу переполняла радость. Идти было легко, шел к бараку, в лагерь. Лес,

дорога, дома – все мелькало и несло мимо него. Прошел мимо охраны, вошел в барак, увидел свой лежак, тело свое, лежащее на нем, людей, окружавших его. Вошел, лег на лежак и услышал разговор: «Все теперь! Холодеет. Умер наш о. Арсений. Пять часов уже прошло, скоро подъем, придется сообщить старшему».

Кто-то из окружающих продолжал: «Осиротел барак, многим помогал. Мне, боровшемуся всю жизнь против Бога, показал Его, и показал делами своими».

Неожиданно о. Арсений глубоко вздохнул и, испугав и поразив всех окружающих, проговорил: «Уходил я в храм, да вот Матерь Божия сюда к вам послала». И слова эти никому не показались странными или удивительными, так неожиданно поразительным было его возвращение к жизни.

Недели через две встал о. Арсений, но как-то странно ему все стало в бараке, по-другому и жизнь, и люди видны. Все ему, чем могут, помогают, кто что может – от обеда урвет и несет. Надзиратель Справедливый масла сливочного стал приносить и Сазикову отдавал для о. Арсения.

Встал, ожил о. Арсений. Тяжелая болезнь ушла.

Господь и Матерь Божия послали его служить людям, послали в мир.

Михаил

Проверка кончилась, заключенных по счету загнали в барак и заперли дверь. Перед сном можно было немного поговорить друг с другом, обменяться лагерными впечатлениями, новостями дня, забить партию в домино или лечь на нары и думать о прошлом. Часа два после закрытия барака еще слышались разговоры, но постепенно они стали стихать, и тишина завладела бараком. Заключенные засыпали.

После закрытия барака о. Арсений долго стоял около нар и молился, а потом лег и, продолжая молиться, уснул. Спал, как всегда, тревожно. Приблизительно около часу ночи почувствовал, что кто-то его толкает. Вскочив, увидел незнакомого взволнованного человека, говорящего шепотом:

«Пойдемте скорее! Умирает сосед! Зовет Вас!»

Умиравший находился в другом конце барака, лежал на спине, дышал тяжело и прерывисто, глаза были неестественно широко открыты. «Простите. Нужны Вы мне. Ухожу, – сказал о. Арсению, а потом почти повелительно произнес: – Садитесь».

Отец Арсений сел на край нар. Свет, идущий из коридора, образуемого нарами, слабо освещал лицо умирающего, покрытое крупными каплями пота. Волосы слиплись, губы были болезненно сжаты. Был он измучен, смертельно болен, но широко открытые, словно горящие глаза, смотрели на о. Арсения.

В этих глазах сейчас жила, горела и металась вся прожитая этим человеком жизнь. Он умирал, уходил из жизни, исстрадался, устал, но хотел отдать во всем отчет Богу:

«Исповедуйте меня. Отпустите. Я инок в тайном постриге». Соседи по нарам ушли и где-то легли. Все видели, что пришла смерть, и надо быть милостивым и снисходительным к умирающему даже в лагерном бараке. Склонившись к иноку, проведя рукой по его слипшимся коротким волосам, поправив рваное одеяло, о. Арсений положил руку на голову шепотом прочел молитвы и, внутренне собравшись, приготовился слушать исповедь.

«Сердце сдало», – проговорил умирающий, назвав свое имя в иночестве «Михаил», и начал исповедь.

Склонившись к лицу лежащего, о. Арсений слушал чуть слышный шепот и невольно смотрел в глаза Михаила. Иногда шепот прерывался, в груди слышались хрипы, и тогда Михаил жадно ловил открытым ртом воздух. Временами замолкал, и тогда казалось, что он умер, но в эти мгновения глаза продолжали жить, и о. Арсений, вглядываясь в них, читал все то, что хотел рассказать еле слышный прерывающийся шепот.

Многих людей исповедовал о. Арсений в их последний смертный час, и эти исповеди всегда до глубины души потрясали его, но сейчас, слушая исповедь Михаила, о. Арсений отчетливо понял, что перед ним лежит человек необычайной, большой духовной жизни. Умирал праведник и молитвенник, положивший и отдавший свою жизнь Богу и людям.

Умирал праведник, и о. Арсений стал сознавать, что иерей Арсений недостоин поцеловать край одежды инока Михаила и ничтожен и мал перед ним.

Шепот прерывался все чаще и чаще, но глаза горели, светились, жили, и в них, в этих глазах, по-прежнему читал о. Арсений все, что хотел сказать умирающий.

Исповедуясь, Михаил судил сам себя, судил сурово и беспощадно. Временами казалось, что он отдалился от самого себя и созерцал другого человека, который умирал. Вот этого умирающего он и судил вместе с о. Арсением. И о. Арсений видел, что житейский мир, как корабль, со всем его грузом тягот, тревог и горестей прошлого и настоящего, уже отплыл от Михаила в далекую страну забвения и сейчас осталось только то, что необходимо было подвергнуть рассмотрению, отбросив все наносное, лишнее, и отдать это главное в руки присутствующего здесь иерея Арсения, и он властью Бога, должен был простить и разрешить содеянное.

За считанные минуты, оставленные ему для жизни, должен был инок Михаил передать о. Арсению, все открыто показать Богу, осознать свои прегрешения и, очистившись перед судом своей совести, предстать перед судом Господа.

Человек умирал так же, как умирали многие и многие в лагерях на руках о. Арсения, но эта смерть потрясла и повергла о. Арсения в трепет, и он понимал, что Господь даровал ему великую милость, разрешив исповедовать этого праведника.

Господь показывал сейчас Свое величайшее сокровище, которое Он долго и любовно растил, показывал, до какой степени духовного совершенства может подняться человек, бесконечно полюбивший Бога, взявший, по апостольским словам, «иго и бремя» христианства на себя и понесший его до конца. Все это видел и понимал о. Арсений.

Исповедь умирающего Михаила давала возможность увидеть, как в неимоверно сложных условиях современной жизни, во время революционных потрясений, культа личности, сложных человеческих отношений, официально поддерживаемого атеизма, общего попрания веры, падения нравственности, постоянной слезки и доносов и отсутствия духовного руководства человек глубокой веры может преодолеть все мешающее и быть с Богом.

Не в скиту или уединенной монастырской келье шел Михаил к Богу, а в сутолоке жизни, в грязи ее, в ожесточенной борьбе с окружающими его силами зла, атеизма, богоборчества. Духовного руководства почти не было, были случайные встречи с тремя-четырьмя иереями и почти годовое радостное общение с владыкой Федором, постригшим Михаила в монахи, а далее два-три коротких письма от него и неистребимое, горячее желание идти и идти ко Господу.

«Шел ли я путем веры, шел ли я так, как надо, к Богу, или шел неправильно? Не знаю», – говорил Михаил.

Но о. Арсений видел, что не только не отступил Михаил от предначертанного пути, на который направлял его владыка Федор, а далеко, далеко прошел по этому пути, опередив и превзойдя своих наставников.

Жизнь Михаила была подобна битве в пути за духовное и нравственное совершенство среди обыденной жизни века сего, и о. Арсений понимал, что Михаил выиграл эту битву, битву, где он был один на один со злом, окружавшим его. И живя среди людей, творил добро во имя Бога и нес в душе, как пылающее пламя, слова апостола: «Друг друга тяготы носите, и тако исполните закон Христов».

Отец Арсений понимал все совершенство и величие Михаила, создавал свое ничтожество и страстно молил Господа дать ему, о. Арсению, силы облегчить последние минуты умирающего. Временами о. Арсения охватывала беспомощность и в то же время восторг от сознания близости с Михаилом, предсмертная исповедь которого открывала ему сокровенные пути Господни, учила и наставляла на путь глубочайшей веры.

И вот наступил момент, когда Михаил отдал все, что было на душе, о. Арсению и, отдав через него Господу, вопросительно взглянул на о. Арсения. И взяв бремя грехов умирающего и держа в руках своих, принял о. Арсений все на душу свою иерейскую и затрепетал, затрепетал еще раз от сознания своего ничтожества и беспомощности человеческой и, провозгласив молитву отпущения рабу Михаилу, сперва внутренне зарыдал, а потом, не сдержавшись, заплакал на глазах умирающего.

Михаил, подняв глаза и устремив их на о. Арсения, произнес: «Спасибо! Успокойтесь! Настал час воли Божией, молитесь обо мне, пока живете на земле. Ваш земной путь еще долог. Прошу Вас, возьмите шапку мою, записка там к двум людям, души и веры они большой. Очень большой. Адреса написаны. На волю выйдете передайте, и Вы им нужны, и они Вам. Номер на шапке перешейте. Молите Господа об иноке Михаиле».

Во все время исповеди были в бараке они одни. Барак, люди, его населяющие, обстановка барака – все отдалилось, ушло в какое-то небытие, и только состояние близости Бога, молит-

венное созерцание и тишина внутреннего единения охватили их обоих и поставили перед Господом.

Все мучительное, мятежное, человеческое ушло – был Господь Бог, к которому сейчас один уходил, а другой был допущен созерцать великое и таинственное – смерть, уход из жизни.

Умиравший сжал руку о. Арсения, молился, молился столь проникновенно, что отделился от всего внешнего, а о. Арсений, прильнув к нему душой в молитвенном единении, отрезвился от всего и благоговейно, и безропотно шел за молитвой инокa Михаила.

Но вот наступили минуты смерти, глаза умирающего засветились, загорелись тихим светом восторга, и он еле слышно произнес: «Не отрини меня, Господи!»

Михаил поднялся с нар, протянул вперед руки, почти шагнув, и громко произнес дважды: «Господи! Господи!»

И потянувшись еще немного вперед, упал навзничь и сразу вытянулся. Рука, державшая руку о. Арсения, разжалась, черты лица приобрели спокойствие, но глаза еще светились и с восторгом смотрели вверх, и о. Арсению показалось, что он воочию увидел, как душа Михаила покидала тело.

Потрясенный, о. Арсений упал на колени и стал молиться, но не о душе и спасении умершего, а о той великой милости к нему, о. Арсению, милости, даровавшей, сподобившей увидеть Неувиденное, Непознаваемое и самое таинственное из тайн смерть Праведника.

Поднявшись с колен, о. Арсений склонился над телом Михаила, глаза которого были еще раскрыты и озарены светом, но свет постепенно гас, озаренность пропадала, чуть заметная дымка покрыла их, потом веки медленно закрылись, по лицу пробежала тень, и от этого лицо стало величественным, радостным и спокойным.

Склонившись над телом, о. Арсений молился, и хотя он только что присутствовал при смерти инокa Михаила, на душе у него не было скорби, были спокойствие и внутренняя радость. Сейчас он видел Праведника, прикоснулся к Милости Божией и Славе Его.

Отец Арсений бережно оправил одежду умершего, поклонился телу Михаила и вдруг осознал, что он находится в бараке лагеря «особого режима», и мысль, как молния, еще и еще раз пришла к нему, что Бог, Сам Господь был сейчас здесь и принял душу Михаила.

Скоро должен был начаться подъем. Отец Арсений взял шапку Михаила, спорол номера со своей и его шапки и пошел к «старшому» по бараку сказать о смерти Михаила.

Старшой из старых уголовников спросил номер умершего и посочувствовал. Барак открыли, заключенные выбегали на поверку, строились. Перед входом в барак стояли надзиратели, старшой по бараку, подойдя к ним, сказал: «Мертвяк у нас, № 382».

Один из надзирателей вошел в барак, посмотрел на умершего, толкнул тело носком сапога и вышел. Часа через два из санчасти приехали на санях за телом. Вошел врач из вольнонаемных, небрежно скользнул взглядом по телу Михаила, рукавицей поднял веко и брезгливо сказал дневальным: «Быстрее на отвоз».

В санях уже лежало несколько трупов. Михаила вынесли из барака и положили на тела других заключенных. Возница стал усаживаться на перекладину саней, опираясь ногами на окоченевшие тела мертвых. Было морозно и тихо, шел редкий снег и, падая на лица мертвых, медленно таял, от чего казалось, что они плачут. Около барака стояли надзиратели, разговаривавшие с врачом, дневальные и о. Арсений, прижавший к груди руки и молящийся про себя.

Сани тронулись, о. Арсений, низко поклонившись, перекрестил мертвых и вошел в барак.

Возница, дергая вожжами, отвратительно ругаясь, понукал лошадей, и сани, медленно двигаясь, скрылись за баракom.

«Ты с кем, поп?»

В начале заключения считаешь дни, потом недели, но уже на второй год наступает момент, когда ты ждешь только смерти. Изнурительная работа, полуголодное существование, драки, избиения, холод, оторванность от дома отупляли тебя, заставляли думать о неизбежности смерти в течение двух-трех лет лагерной жизни, поэтому основная масса заключенных морально опускалась, внутренне разлагалась.

У большинства из нас, политических, и у всех уголовников мысли менялись в соответствии с лагерной жизнью: приходом надзирателя, отнятой пайкой, дракой, работой, которую дали бригаде, карцером, отмороженным пальцем или очередной смертью барачного жителя.

И в этих событиях наши мысли месились, как раствор глины, и от этого становились однозначными, ограниченными страшной лагерной действительностью. Основная масса заключенных мечтала нажраться до отвала, или, как говорили в лагере, «от пуза», выпататься дня два подряд, достать где-то пол-литра спирта, выпить его и опять нажраться. Но все это были несбыточные и неосуществимые мечты.

Очень малая часть политических заключенных старалась сохранить в себе человека, пыталась держаться особняком, поддерживать друг друга, не опускаться до уголовников, держаться с достоинством, насколько позволяла лагерная обстановка.

Эти заключенные собирались в пределах одного барака группой, читали лекции, стихи, воспоминания и иногда даже что-то писали на обрывках грубой бумаги. Часто возникали горячие споры по самым разнообразным вопросам, но особенно ожесточенными были споры на политические темы, в которые нередко ввязывались уголовники и заключенные из безликой массы опустившихся политических. Спорили со злостью, ненавистью друг к другу. Отец Арсений в спорах не участвовал, но один раз его втянули насильно.

Обыкновенно заключенные боялись высказываться, но спор разжигал страсти и заставлял забывать о возможных последствиях в «особом отделе», и иногда кто-нибудь из спорящих говорил: «Была не была, все равно подышать, так хоть перед смертью выскажусь».

Прошла поверка, барак заперли, за стенами его метался ветер, снег завалил окна, было душно, сыро, но тепло. Лампочки горели в полнакала, и от этого становилось сумрачно и тоскливо, одиночество угнетало.

Заклученные собирались в группы, и начинались разговоры, споры, воспоминания. Уголовники играли в карты или в домино на деньги или пайку. Около одного лежака, недалеко от нар о. Арсения, собралось несколько человек, и в скором времени возник ожесточенный спор на тему: «Отношение зеков (заклученных) к власти».

Минут через пятнадцать народу стало уже человек двадцать, спор приобрел острый характер. Люди перебивали друг друга, угрожали. Собрались бывшие партийцы, интеллигенты разных профессий, несколько бывших власовцев и еще какие-то заключенные. Раздавались крики: «За что сидим? Ни за что. Где справедливость? Расстрелять всех их надо!»

Лица спорящих были озлобленными, раздраженными, и только трое или четверо бывших членов партии возражали и пытались доказать, что все происходящее является какой-то грандиозной ошибкой, которую рано или поздно исправят, и что все происходящее, возможно, является вредительством, и что Сталин ничего об арестах не знает, или его обманывают.

«Обманывают, а пол-России посадили, это продуманная система уничтожения кадров», – вопил какой-то голос.

«Знает Сталин, это его приказ», – вторил другой. Один из заключенных, осужденный за агитацию и подготовку покушения на жизнь Сталина, был особенно озлоблен. Лицо его кривилось, голос дрожал. Несколько власовцев так же ожесточенно ругали все и вся.

«Уничтожать их надо, вешать, расстреливать, партийцев этих».

Секретарь одного из ленинградских райкомов, большевик с 17-го года, буквально на кулаках сцепился с каким-то типом, служившим у немцев.

«Предатель, – кричал секретарь, – тебя расстрелять надо, а ты еще живешь!» – «Я-то таких, как ты, повешал и пощелкал не один десяток, жалею, что ты, падло, не попался. За дело сижу, а ты своим задницу лизал и со мной здесь дохнешь, как предатель». – «Я предатель? Я предатель? Да я советскую власть утверждал!» – «Я да я, а сидишь, как предатель, вот и вся твоя власть в этом сказалась».

Кругом смеются, но спор по-прежнему остается ожесточенным. Один из заключенных проговорил: «Церкви разрушали, веру попрали». Кто-то из собравшихся, увидев о. Арсения, сидевшего на своих нарах, сказал, обращаясь к нему: «А ну-кося, Петр Андреевич! Слово свое о властях скажите. Как Церковь к власти относится?»

Отец Арсений промолчал, но его буквально втащили в круг спорящих. Секретарь райкома, друживший с о. Арсением, как-то сразу поник. Что должен был ответить о. Арсений, всем было ясно, слишком уж много натерпелся он в лагерях.

Власовец Житловский, командир какого-то соединения во власовской армии, в прошлом журналист и командир Красной Армии, человек жестокий и властный, державший в своих руках группу власовских офицеров, живших в лагере и бараке, снисходительно смотрел на о. Арсения.

Власовцы держались в лагере независимо, ничего не боялись, так как им все уже было отмерено, конец свой знали и сидели действительно за дело. «Давай, батя, сыпь!»

Отец Арсений, помедлив несколько мгновений, сказал: «Жаркий спор у вас. Злой. Трудно, тяжело в лагере, и знаем мы конец свой, поэтому так ожесточились. Понять вас можно, да только никого уничтожать и резать и надо. Все сейчас ругали власть, порядки, людей и меня притащили сюда лишь для того, чтобы привлечь к одной из спорящих сторон и этим самым досадить другой.

Говорите, что коммунисты верующих пересажали, церкви позакрывали, веру попрали. Да, внешне все выглядит так, но давайте посмотрим глубже, оглянемся в прошлое. В народе упала вера, люди забыли свое прошлое, побросали многое дорогое и хорошее. Кто виновен в этом? Власть? Виноваты мы с вами, потому что собираем жатву с посеянных нами же семян.

Вспомним, какой пример давали интеллигенция, дворянство, купечество, чиновничество народу, а мы, священнослужители, были еще хуже всех.

Из детей священников выходили воинствующие атеисты, безбожники, революционеры, потому что в семьях своих видели они безверие, ложь и обман. Задолго до революции утратило священство право быть наставником народа, его совестью. Священство стало кастой ремесленников. Атеизм и безверие, пьянство, разврат стало обычным в их среде.

Из огромного количества монастырей, покрывавших нашу землю, лишь пять или шесть были светочами христианства, его совестью, духом, совершенством веры. Это Валаамский монастырь, Оптина пустынь с ее великими старцами, Дивеевская обитель, Саровский монастырь, а остальные стали общежитиями почти без веры, а часто монастыри, особенно женские, потрясали верующих своей дурной славой.

Что мог взять народ от таких пастырей? Какой пример? Плохо воспитали мы сами народ свой, не заложили в него глубокий фундамент веры. Вспомните все это. Вспомните! Поэтому так быстро забыл народ нас, своих служителей, забыл веру и принял участие в разрушении церквей, а иногда и сам первый начинал разрушать их.

Понимая это, не могу я осуждать власть нашу, потому что пали семена безверия на уже возделанную нами же почву, а отсюда идет и все остальное, лагерь наш, страдания наши и напрасные жертвы безвинных людей. Однако скажу вам, что бы ни происходило в моем отечестве, я гражданин его и как иерей всегда говорил своим духовным детям: надо защищать

его и поддерживать, а что происходит сейчас в государстве, должно пройти, это грандиозная ошибка, которая рано или поздно должна быть исправлена».

«Попик-то наш красненький, – сказал Житловский. – Придавить тебя надо за такую паскудную проповедь. Святошей притворяешься, а сам в агитаторах ходишь, на «особый отдел» работаешь», – и с силой вытолкнул о. Арсения из круга спорящих.

Спор продолжался с прежней силой, но кое-кто из спорящих стал покидать собравшихся.

После этого спора некоторые заключенные стали преследовать о. Арсения, и особенно из группы Житловского. Раза два избили его ночью, облили мочой нары, отнимали пайку. Мы, дружившие с ним, решили оберегать о. Арсения от людей Житловского, зная, что это народ отпетый, который может сделать все что хочет.

Как-то вечером пришел киевлянин Жора Григоренко, близкий друг Житловского, и позвал о. Арсения к своему шефу. Отец Арсений пошел. Житловский, развалившись на нарах, говорил со своими дружками, собравшимися вокруг: «Ну-ка, поп? с нами или с большевиками пойдешь, душа продажная? На «особый отдел» работаешь, исповедуешь нашего брата, а потом доносишь? Пришьем тебя скоро, а сейчас выпорем для примера. Давай, Жора. Хотя дай попу высказаться».

Жора Григоренко был всеми ненавидим. Коренастый, широкий в плечах, с головой без шеи, лицом, прорезанным шрамом, отчего лицо было перекошено и постоянно улыбалось, производя отталкивающее впечатление. Ходили слухи, что у немцев он был исполнителем приговоров, хотя осужден был только за службу рядовым во власовской армии.

Отец Арсений спокойно посмотрел на Житловского и досказал: «Жизнью людей распоряжаетесь не Вы, а Господь. С Вами я не пойду, – и, сев на нары против Житловского, продолжал: – Не пугайте меня, все это было в прошлом: крики, избиения, угрозы смерти. Богом, в Которого я верю, каждому человеку отмерена длина пути его и мера страданий, и если мой путь оборвется здесь, то на это будет Господня воля, а не мне и Вам изменять ее, и каждый из нас в конце концов придет на суд Божий, где от совершенных дел примет меру свою.

Я верю в Бога, верю в людей и до последнего своего вздоха буду верить. А Вы? Где Ваш Бог? Где вера Ваша? Вы много говорите о том, что хотите защитить угнетенных и обиженных людей, но пока Вы уничтожали, убивали и унижали всех соприкасающихся с Вами. Взгляните на руки Ваши, они же у Вас в крови!»

Житловский поднял руки и как-то странно посмотрел на них, потом взглянул на о. Арсения и не опустил, а бросил руки на колени и, сорвавшись на визг, крикнул: «Не заговаривайтесь, полегче!» – и опять впился глазами в лицо о. Арсения.

С верхних нар раздался голос Григоренко: «Аркадий Семенович! Попик-то на разговорном подъеме, может, акцию совершить?»

«Замолчи, Григоренко! ответил Житловский. – Дадим ему перед издыханием наговориться, попы, как советские профсоюзные работники, всю жизнь болтают». А о. Арсений продолжил:

«Как-то мне сказали, что верующий Вы, но во что? Пытали и убивали людей во имя чего? Помню Ваше упоминание о Достоевском, о котором говорили как о любимом писателе и душе русского народа. Вспомню Вам по памяти слова старца Зосимы из «Братьев Карамазовых», которые он говорил перед смертью, обращаясь к братии: «Не ненавидьте атеистов, зло-учителей, материалистов, даже злых из них, не токмо добрых, ибо из них много добрых, наипаче в наше время. Народ Божий любите... Веруйте и знамя держите. Высоко возносите его. Творите добро людям и тяготы их носите». А Ваша жизнь проходит в ненависти и злобе. У каждого человека есть время одуматься и исправиться, и у Вас есть».

Сказав, о. Арсений встал с нар и пошел в свой конец барака, но сверху с искаженным от злобы лицом соскочил Григоренко и бросился душить о. Арсения, и в то же время, расталкивая столпившихся дружков Житловского, появился высокий и мощный заключенный, носив-

ший в бараке прозвище «Матрос». Был он действительно матросом из Одессы, осужденным за «политику» к пятнадцати годам нашего лагеря. Бешабашный, постоянно веселый, хороший товарищ, Матрос, находясь в лагере, почему-то не терял здорового вида, хотя жил как все заключенные.

Растолкав собравшихся, Матрос схватил Григоренко, приподнял, словно мешок, и бросил в толпившихся дружков Житловского.

«Ты, деточка, забыл, здесь не полицейский участок у немцев, а наш лагерь, – и, обернувшись к Житловскому схватил его за руки, повернул к себе лицом и сказал с одесским жаргоном: – Милый ты мой! Угомони своих холуев немецких, а то всех перережем. Всех!»

Люди Житловского растерялись, в проходе между нарами появилось много заключенных, готовых вступить за о. Арсения и Матроса.

Подойдя к поднявшемуся Григоренко, Матрос произнес: «Ты, немецкий прихвостень, Петра Андреевича не трогай, не приведи Бог, что случится, я тебя с Житловским лично пришибу, а перед этим котлету сделаю.

Пошли, Петр Андреевич! а то мы им на нервы действуем. Ну, почтение мое вам, до лучших встреч!»

Недели через три Жору Григоренко перевели в другой барак. Житловский после этого случая затих и в обращении с людьми помягчал. Споры в бараке по-прежнему не утихали. Отец Арсений в них не участвовал, но досказанное им однажды мнение по вопросу отношения к власти еще долго жило в бараке.

Сазиков

Время шло, Сазиков все больше и больше привязывался к о. Арсению, заботился о нем, много рассказывал о себе. Говорил о детских годах. Родился в Ростове в интеллигентной семье, кончил ростовский индустриальный институт, стал инженером, и как-то случилось, попал в компанию «друзей», и все вокруг завертелось, Закружилось, и почти двенадцать лет прошагал с тех пор Сазиков по уголовной дороге. Шел, шел, оглядывался иногда, задумывался, а свернуть на верную дорогу не мог.

Для следственных органов и для дружок особая жизнь была, а для о. Арсения показывал свою жизнь правдиво, ничего не скрывал. Крещен Серафимом в честь Серафима Саровского, мать верующей была, до 14-ти лет по церквам водила, в вере наставляла. Умерла, тогда Серафиму – Симе – было 22 года. Отец бросил семью давно. Закружила компания Серафима, и пошло, как всегда, с маленького, а потом пришли грабежи, разгул, были и убийства. Остановки нет, такой дорогой пошел, сойти с нее трудно, чуть в сторону – дружки назад ворочают.

Чему мать учила, забылось, выветрилось, жизнь другое показывала. О Боге и не думал, где Его в уголовном мире найти? До этого ли? Забот много, только посматривай.

С Серым «работать» приходилось. Человек Серый страшный, но вдруг иногда и душу покажет. Сложный он.

«Работал» Сазиков по большим делам, деньги брали крупные. Поступал в учреждение большое, магазин крупный, вообще туда, где денег много скапливается, то ли перед получкой, то ли после выручки. Работая, изучал обстановку учреждения, женщины помогали, благо сам высокий, красивый, речь интеллигентная, статный, одевался модно. Работал хорошо, ценили, отмечали, документы всегда имел чистые, верные. Знания имел хорошие, ведь по образованию инженер. Экономике тоже знал, поэтому в больших универсальных магазинах за него держались как за специалиста. Вот так и бывало – изучит, узнает что и как, а потом брали большую сумму.

Многое сходило благополучно, но в тюрьмах и лагерях побывал. Попадался на мелких делах, о больших не знали. Завалился на ерунде, дружок под нажимом на следствии «разболтался», добрались до одного крупного дела, дали «вышку» (расстрел), но потом направили умирать в «особый».

«Встретился с Вами, о. Арсений, поразили Вы меня, вижу – все для других делаете. Подумал, расчет какой-то хитрый имеете или блажной, но потом понаблюдал за Вами, мать свою покойную вспомнил. Многое сказанное ею мне в детстве припомнилось. Поразили Вы меня, назвав Серафимом. Подумалось, в бреду сказал, да вижу, что не только со мной такое у Вас было.

Наблюдать стал за Вами и отчетливо понял: не для себя живете, для людей – во имя своего Бога. Стал я жизнь свою пересматривать и вижу, что она была, как говорится, «хоть час, да мой, а там хоть потоп». Думаю, для чего так жил? Друзей нет, есть дружки, никому я не нужен, если и делают что-нибудь мне, то только из страха.

За сердце взяли меня, примером своим поразили. Решил кончать с прошлым. Трудно это сделать. Кончай, да оглядывайся, а то свои же убьют. Между прочим, Серый к Вам тоже приглядывается. В лагерях уголовники народ отпетый, а в «особом» тем более. Бояться нечего, все равно смерть. В своих-то бараках мы с Серым порядок навели, но трудно с народом. Знаю, жизнь свою здесь кончу, но хочу Вашим путем пойти, верить хочу».

Исповедь

Пришел как-то Сазиков. Стоял, мялся, то о том, то о другом разговаривал, а потом сказал: «Отец Арсений! Хотел бы исповедоваться, если допустите. Видно, конец скоро придет, не выйдешь из «особого», а грехов много ношу, очень много».

Трудно в лагере на час, на два из барака вырваться, все время под наблюдением, на то и «особый». Но удалось Сазикову вырваться и прийти к о. Арсению на исповедь. Остались вдвоем, до поверки часа два было. Застанут обоих вместе – карцер на пять суток обеспечен.

Встал Серафим на колени, волнуется, теряется. Положил о. Арсений на голову Серафима руку и стал молиться. Ушел в молитву. Прошло несколько минут. Заговорил Серафим сначала отрывисто, сбивчиво, с большим внутренним напряжением.

Отец Арсений молчал, не направлял, не подсказывал, а, слушая, молился, считая, что человек сам должен найти себя. Исповедовать в лагерных условиях приходилось много, но старых, заматерелых уголовников – редко.

В большинстве своем это были люди, потерявшие все на свете, ничего не имеющие за душой. Совесть, любовь, правда, человечность, вера во что бы то ни было давно были утрачены, разменяны, смешаны с кровью, жесткостью, развратом. Прошлое не радовало их, оно пугало. Оторваться от своей среды они не могли, поэтому жили в ней до последнего своего часа жестокими, обозленными, не надеявшимися ни на что. Впереди была смерть или удачный побег.

В исповедях своих, если такие случались, были всегда одинаковы. Начало жизненного пути было разным, а все остальное у всех повторялось: грабежи, убийства, разгул, разврат и вечный страх попасться. В зависимости от души человека мера падения была разной: одни сознавали и понимали, что делают, но не могли остановиться и падали все ниже и ниже, другие же упивались содеянным, жили насилием, кровью, жаждали этого и с наслаждением доставляли страдания и муки окружающим, считая свою жизнь правильной и геройской.

Серафим понимал меру своего падения, пытался остановиться, но не мог найти выхода из уголовного мира. Когда приходила старость, многие из уголовников задумывались над своим положением, но решить, что же делать, не могли.

Отец Арсений это знал.

Сазиков говорил, но исповедь не шла. Идя на исповедь, он долго думал, что и как рассказывать, исповедовать, но сейчас все потерял, смешался. Хотелось искренности, но говорил не от души, то, что хотел сказать, ушло. Потеряла его исповедь связь с душой, и оставался рассказ.

Видел и понимал это о. Арсений и хотел, чтобы в борьбе с самим собой победил сам Серафим. Победил свое прошлое и этим бы открыл путь к настоящему.

Волновался, сбивался и, открыто рыдая, говорил Серафим, а исповедь от души не шла. Борется прошлое с настоящим, и ощутил о. Арсений, что нужна сейчас помощь Серафиму, нужно то «луковое перышко» апокрифической луковки, которое хоть и тонко и непрочное, но спасает тонущего, ухватившегося за него. И протянул о. Арсений это «перышко луковое», сказав: «Вспомни, как умоляла тебя в лесу женщина пощадить, ты не пощадил, и разве потом не стыдился самого себя?»

И в одно мгновение понял Серафим, что все видит и знает о. Арсений. Не надо подбирать слов, чтобы показать себя. Надо, не боясь ничего, открыть душу свою, а о. Арсений увидит, поймет и взвесит все сам и скажет, можно ли простить его, Серафима.

Кончил Серафим исповедь, отдал душу и самого себя в руки о. Арсения, стоит на коленях, лицо в слезах. Первый раз в жизни своей открыл самого себя, показал всю, всю жизнь и сейчас ждал приговора, наказания, осуждения.

Отец Арсений, низко склонившись, молился и никак не мог найти самых простых и нужных слов, которые бы очистили, освежили и направили человека на новый жизненный путь.

Искренность исповеди, глубочайшее сознание греховности совершенного и в то же время страшнейшие преступления, доставившие людям страдания, несчастья и муки, – все как бы смешалось вместе, и надо было измерить, взвесить, разделить одно от другого и определить меру всему этому.

Иерей Арсений, прощающий и разрешающий грехи человеческие именем Бога, боролся сейчас с человеком Арсением, не могущим еще по-человечески принять, осознать и простить совершенное Серафимом.

«Господи Боже Мой! Дай силу мне познать волю Твою, указать путь Серафиму, помочь найти ему себя. Матерь Божия! Помоги мне и ему, грешным. Помоги, Господи!»

И, молясь, понял, что говорить ничего не надо, взвешивать и решать не нужно, ибо исповедь Серафима, человека, ранее потерявшего связь с Богом, была столь глубокой и искренней, обнажившей душу его и показавшей, что этот человек стремится к Богу, нашел Его и уже теперь будет продолжать путь к Нему. За свои дела даст ответ Серафим Самому Господу на Суде Божиим и перед совестью своей.

Встал о. Арсений и, прижав голову Серафима к своей груди, сказал: «Силою и властью, данной мне Богом, я, недостойный иерей Арсений, прощаю и разрешаю грехи твои, Серафим. Твори добро людям, и Господь простит многие из грехов твоих.

Иди и живи с миром, и Господь укажет тебе путь». И невидимые узы навсегда соединили о. Арсения и Серафима.

Окончив исповедь и обняв Серафима, о. Арсений, как бы предвидя будущее, произнес: «Не оставлю тебя в жизни твоей, Серафим. Господь поможет нам».

«Не оставлю тебя»

Во время одного разговора Сазиков как-то сказал: «Вижу, о. Арсений, молитесь Вы по памяти, книг-то церковных у Вас нет, а узнали мы, что кое-что достать можно. Серый с ребятами говорил, а те сказали, что есть».

«Бога ради! Прошу, ни у кого не отнимайте, грех на мою душу не берите».

«Да что Вы, о. Арсений! Все по-хорошему будет, никого не обидим. В зоне складик есть, все, что у заключенных отбирают, особенно у пришедших по этапу, – туда складывают. Узнали через верных людей, что есть там книги. Давно лежат. Решили ребята этот складик взять, ну я и сказал, чтобы книги церковные захватили. Рассказал, что и какие взять».

Заволновался о. Арсений, как это так? Стал ночью молиться и вроде бы к утру задремал и видит: вошел к нему монах-старец, благословил и говорит:

«Не бойся, Арсений! Возьми, что нужно, и молись митрополиту Алексию Московскому. Господь не оставит тебя». Благословил вторично и ушел, спокойный, величественный.

Дня через два начался в бараке переполох, повальные обыски по баракам, вызовы в «особый отдел», оказывается, уголовники разграбили склад сданных вещей.

Прошло дней десять, и передает Серафим Сазиков о. Арсению две маленькие книжки – Евангелие и Служебник. Взял о. Арсений все с благоговением, отошел к нарам, раскрыл Евангелие и затрепетал от сознания необыкновенной милости Божией. Во внутреннюю сторону переплета врезан кусочек шелка размером сантиметра четыре квадратных, древний, пожелтевший, а под ним надпись: «Антиминс. Мощи святого митрополита Алексия Московского. 1883 год», а рядом врезан овальный серебряный образок размером в 20-копеечную монету.

Припал к святыне о. Арсений и возблагодарил Господа: «Господи! Боже Мой! Милостию Твоей жив, и дела Твои неисповедимы». И заплакал от радости.

«Вы, о. Арсений, как службу справите, так мне или Серому отдавайте, у нас не найдут, а у Вас сразу отберут. Не беспокойтесь, ничего не оскверним, все будет в целости».

Начались для о. Арсения дни, полные радости, работу дневную переделает, а ночью при моргающем свете читает Евангелие и правит службы, при подъеме на работу отдавал на хранение Сазикову.

Месяца два прошло, обыски утихли, и о. Арсений иногда оставлял на день Евангелие у себя, только прятал его в стенной тайник под доску, Сазиков сделал. Плановые дневные и ночные обыски всегда бывали, но в тайнике было безопасно.

Как-то днем, когда все были на работе, а о. Арсений работал по бараку и вроде бы все переделал, он достал евангелие и стал читать. Только сел, дверь барака открылась, и пришел наряд с обыском. Лейтенант, трое солдат и надзиратель Справедливый. Отец Арсений растерялся и спрятал Евангелие во внутренний боковой карман телогрейки. Стоит и молится. Солдаты идут по бараку и все переворачивают, вынимают качающиеся половицы, боковые доски дергают, вещевые мешки трясут. Дошли до о. Арсения, лейтенант из «особого отдела» приказал надзирателю Справедливому: «Попа обыщите, товарищ!» – и пошел с солдатами.

Справедливый стал о. Арсения ощупывать и сразу наткнулся на Евангелие, подержал руку на нем, потом из кармана вынул и быстро к себе в карман переложил и стал дальше обыскивать. Кончил обыск и докладывает: «Товарищ лейтенант! Ничего не обнаружено».

«Больно скоро обыскали. Раздевайся, поп, сами обыщем по-нашенскому». Разделся о. Арсений донага, солдаты одежду осмотрели, швы руками помяли, из карманов на пол все выбросили и, конечно, ничего не нашли. Лейтенант обозлился, обругал о. Арсения матерно и вышел.

Отец Арсений одевается, молится и плачет за великую радость, за веру в человека. Одедся, вещи собрал, швы зашил и пошел барак убирать после обыска.

Часа через полтора заходит надзиратель Справедливый и спрашивает о. Арсения: «Есть кто в бараке?» «Все на работах», – отвечает о. Арсений.

Справедливый обошел весь барак, под лежаки заглянул и вдруг спросил: «Евангелие-то из склада?» Отец Арсений молчал. «Сказывайте, сказывайте – откуда?» – «Да, из склада», – ответил о. Арсений. «Вы что, голубчик, о двух головах, что ли. Думать надо. Возьмите Евангелие, а коли взяли, так убирать надо. Нашел бы лейтенант, насмерть бы забили». А потом тихо проговорил:

«Простите меня, батюшка! Трудно здесь, в лагере, не только заключенным, а и нам, если хоть капля совести осталась. Знаю, все знаю, о. Арсений! Каково здесь всем вам, понимаю, но от трусости и слабости человеческой приходится работать в этом аду. Помогу Вам, чем смогу, может, устройю куда полегче, но время для этого надо. Исподволь буду делать, а на людях нарочно лют буду. Вы уж простите», – проговорил Справедливый и, не оборачиваясь, вышел из барака.

Посмотрел о. Арсений вслед Справедливому и устыдился, что усомнился в великом провидении Божиим, в путях Его неисповедимых, и еще, и еще раз понял, как разнообразна и полна душа человеческая, и что в каждой душе можно найти искру Божию и Любовь, и тихо стал произносить молитвы, повторяя: «Помилуй мя, Боже, по великой милости Твоей и по множеству щедрот Твоих... Господи! Господи! Велик Ты и Славен делами Своими. Вот они, помощники Твои, о которых говорила Мать Твоя. Мог ли я думать, что надзиратель будет помощник Твой. Мог ли?».

И, вспомнив имя Справедливого – Андрей, стал молиться о нем и, молясь, увидел жизнь его, всю жизнь его и понял, что это за человек. Хороший и добрый.

Этап

Прозорливость о. Арсения поражала и подчас пугала людей, приходивших к нему, но сам он не понимал и не чувствовал, что Господь даровал ему великое знание души человеческой.

Постоянно соприкасаясь с о. Арсением, я видел, что он искренне верил, что понимание души является совершенно естественным для иерея, и ему думалось, что, читая мысли человеческие, не он читает их, а сам пришедший рассказывает о себе.

Он оказывал огромное и поразительное влияние на людей, общавшихся с ним, а тех, кто внимательно наблюдал его жизнь, удивлял глубиной и силой провидения, данного ему Богом.

Авсеенков рассказывал мне, что его до глубины души поразили два случая, происшедшие перед его глазами еще тогда, когда он только начинал становиться верующим под влиянием о. Арсения.

Пригнали в лагерь почти перед самой поверкой большую партию новых заключенных. Начальство стало распределять их по баракам на пустые места. «Человек двадцать пять попало в наш барак, – рассказывал Авсеенков. – Этап, видимо, был тяжелый. Этапников загнали в барак. Вошли не люди, а тени. На ногах не стоят, во многих жизнь еле-еле теплится. На улице мороз, ветер, в дороге два дня не выдавали питание, не спали трое суток. Чем живы, понять нельзя. Народ по составу сборный, большинство интеллигенция, «враги народа»: инженеры, агрономы, врачи и несколько человек уголовников.

Пригнали перед поверкой, когда в лагере заканчиваются все дела: хлеб выдан, обед из баланды съеден, начальство ушло или собралось уходить.

Вначале хотели хлеб выдать и обед, но потом поразмыслили – хлопотно. Котлы надо разогреть, кладовки отпирать, хлеб резать да еще ведомости писать, чтобы поставить на довольствие.

Хлопотное, очень хлопотное дело. Решили: подождут, завтра все сделаем – успеют.

Начальник по режиму сказал: «Не баре они, чтобы за ними ухаживать, а враги народа. Проживут». На этом и порешили. Понимали, конечно, что будет в этот день в лагере большая смертность, так что придется по дням расписывать умерших. Этапное начальство людей сдало, теперь лагерному заботиться. Перемут лагерю отвечать.

Вошли этапники в барак, а новичков всегда всюду плохо встречают, что в детстве в школе, что на работе, а в лагере и подавно. Смотрим – вошли не люди, а «обноски человеческие», стоять не могут. Трудно понять, как дошли до лагеря. К стенкам прислонились, за лежаки держатся.

Старший по бараку осмотрел их и сказал: «На свободные лежаки разбирайтесь». А свободные лежаки от печей далеко. Холодно там, не согреешься за ночь. Старожилы барака в это время спать устраивались, кто уже лежал, кто в карты поигрывал. Уголовники осмотрели всех этапных, увидели, что взять с них нечего, и занялись своими делами.

Отец Арсений лежал и молился. Когда этапные вошли, встал, осмотрел их и пошел к барачной «головке» – так в бараке называли заправил из «серьезных» уголовников, их слово в бараке – закон для шпаны и политических, которые на них всегда с опаской поглядывали, а проще говоря, боялись. «Головку» не послушаешь – все случиться может.

Подошел о. Арсений к «серьезным» и сказал: «Надо этапным помочь, голодные, мерзлые, обмороженные, истощенные. Если не поможем, то часть народа умрет к утру».

«Серьезные» уважали о. Арсения, не один год с ним жили, знали, что за человек, любили по-своему а тут один из «серьезных» сплюнул, выругался и проговорил: «Да ну их, пустьдохнут. Сами скоро дойдем, от своей пайки жрать не дам. Понял, папаша?!»

Остальные молчали. Кому хочется со своим расставаться, да и закон лагерный – только дружкам помогай. Смотрят все в бараке на о. Арсения и «головку» – чем дело кончится? Этапники у входа в кучку сбились, слушают.

Отец Арсений на людей «головки» взглянул, перекрестился и спокойно сказал: «Этапных положим на лежаки у печей, сами на холодные переляжем, что у кого из еды – на стол кладите, а воду в печах нагреем, еще не остыли. Давайте быстрее».

«Серьезные» молча поднялись и пошли по бараку народ перекладывать, что у них из еды было – первые достали и положили на стол. Остальные барачные жители тоже, конечно, класть стали, что у них было из еды. Кто-то из шпаны пытался утаить хлеб, им наподдали так, что надолго запомнили.

Еды по крохам собрали много, накормить 25 человек было можно. Воду в кружках нагрели в печах. Отец Арсений собранное разделил, раздал, а ребята развели этапных по теплым лежакам. Все новенькие выжили, не то, что в других бараках. На третий день этапные ожили, на четвертый уже на работу послали.

Поразило меня спокойствие и сосредоточенность о. Арсения, когда он тихо и просто сказал: «Давайте быстрее!» Сказал людям, у которых, казалось, не было ничего за душой. Сказал – и пошли выполнять, словно приказ».

«Часто задумывался я, – говорил Александр Павлович Авсеенков, – в чем сила о. Арсения? Мог ли он воззвать к совести людей или просто именем Бога потребовать выполнения необходимого долга?»

И Авсеенков решил, что требовал все это о. Арсений от имени Бога.

«Остановитесь!»

Второй случай, виденный Авсеенковым, еще более поразил его.

«Перед тем, как запирать барак на замок, проводилась поверка. Заключенных из барачных выгоняли на улицу, строили в шеренги и производили переключку. Был ли мороз сорок градусов, проливной дождь, или беспощадно осаждали гнус и комар, надо было мгновенно выбежать и вставать на свое место в ряд.

Больные, имевшие освобождение из больницы, оставались в бараке и лежали на нарах. Пока заключенные стояли на поверке, надзиратели осматривали барак и пересчитывали оставшихся.

И на этот раз заключенные выбежали, стали в шеренгу. Было морозно, пересчитывали уже по второму разу, но одного человека не хватало. Люди мерзли, надзиратели злились, начали третий пересчет, и вдруг из барака выскочил парень лет 25-ти и бросился на свое место в ряд, но встать не успел. Надзиратели сбили его и стали бить ногами, парень пытался встать, что-то кричал, но его ожесточенно избивали. Строй стоял молча, не шелухнувшись, у всех сумрачные лица, возмущенные, злые, но сказать, а тем более сделать ничего нельзя.

Я стоял с о. Арсением и вдруг увидел, что тот вышел на шаг из строя, перекрестился, перекрестил надзирателей, избиваемого парня и отчетливо сказал: «Именем Господа говорю вам! Остановитесь! Прекратите!» – и, положив еще раз на всех крестное знамение, встал обратно в строй. И сейчас же прекратили бить парня, надзиратели занялись пересчетом, парень, шатаясь, встал на место.

Я потом спросил своего соседа по шеренге: «Видели, что сделал Петр Андреевич (о. Арсений), когда били парня?»

«Что сделал? Стоял как вкопанный». Я всему этому страшно поразился, поразился той силе, которую дал Бог этому человеку – о. Арсению. Может быть, это гипноз, подумалось мне. И тут же я ответил сам себе: нет и, конечно, нет. Не для себя, а ради других совершает он все эти дела.

Совершаемое о. Арсением часто было необычным, казалось нелогичным, но в то же время все проистекало из самого простого и обычного.

Народ в лагерь попадал самый разный, были и сектанты, фанатичные до безумия и абсурда. Иногда шли на смерть, лишь бы не поступиться малым. В своих убеждениях были совершенно искренни и поэтому ко всем относились как к заблудшим овцам. Часто эти сектанты помогали людям, но создавалось такое впечатление, что делали они это не ради человека, а ради самих себя.

К о. Арсению относились хорошо и пытались убедить в неправильности его веры, на что о. Арсений всегда говорил: «Разве я убеждаю, что ваша вера плоха? Верьте, как душа ваша велит, и тогда придете к истине. Помните слова апостола Павла: «Друг друга тяготы носите, и так исполните закон Христов», побеждайте зло добром».

И мне всегда казалось: именно то, что он нес тяготы других, давало ему возможность побеждать многие трудности, влекло к нему людей, заставляло их следовать за им, и часто придавало ему ту необыкновенную силу духа, которая невольно вынуждала людей повиноваться ему во имя Бога, а эти два случая, рассказанные мною, были тому примером».

Радость

Лагерь жил своей размеренной жизнью. Одни умирали, другие приходили, чтобы умереть в нем, и ждали своего часа. Из «особого» на свободу почти никогда не выходили. Было несколько случаев освобождения бывших партийных работников из правительственных учреждений или очень видных ученых. Рассказывали, что за последние три года освободили около десяти человек, из которых один умер, когда ему сообщили это известие.

В 1952 г. о. Арсения вызвали в «особый отдел» лагеря, сначала к лейтенанту, а потом к майору. Майор встретил радостно: «Здравствуйте, о. Арсений! Здравствуйте, Петр Андреевич! Вести у меня сегодня хорошие. Александра Павловича Авсеенкова освобождают. Добились друзья с большим трудом. Завтра к себе вызываю. Боюсь, чтобы это известие его не потрясло. Сердце у него плохое. Прошу осторожно сообщить ему о предстоящем освобождении. Завтра буду объявлять ему при начальнике лагеря, пусть не волнуется. И не только освобождают, а в партии восстанавливают. Главный разрешил.

А с Вами плохо церковник Вы. На вашем деле штамп: «Содержать в лагерях бессрочно – до смерти». Хочу Вам помочь и не могу. Из нашего «особого» таких, как Вы, освобождают только по личным разрешениям Берия или его заместителя. С Вашим делом не пойдешь, оснований нет. Освободишь без их разрешения – донесут немедленно, и сам в лагере будешь. Если что-нибудь переменится, все для Вашего освобождения сделаю, а теперь и Александр Павлович включится в это дело.

Меня тоже в Москву переводят, «простили», так сказать, восстанавливают в генеральском звании и опять посылают в разведку. Всю жизнь государство охранял, Родину любил и своей работой в Отечественную войну не один десяток дивизий спас, а потом кому-то помешал, донесли Главному и чуть было под расстрел не подвели «за связь с немцами».

Главный велел проверить и послать работать в лагерь. Сюда попал – ужаснулся, помочь ничем не могу, следят за каждым шагом. То, что увидел, даже предположить не мог. При тебе бьют, а ты остановить не имеешь права. Раз остановил, сообщили: «Мешает и задерживает следствие». Страшно! Для чего все это делается, понять сейчас невозможно. Петр Андреевич, уходя отсюда, хочу помочь, кому надо. Скажите, сделаю. Плохо, что Вам не могу помочь».

Отец Арсений задумчиво взглянул на майора и сказал: «Спасибо Вам! Спасибо! Мне помочь нельзя, когда нужно будет, Господь поможет, но помогите выйти из этого лагеря Сазикову бывшему студенту Алексею Никонову врачу Денисову и бывшему уголовнику Трифонову. Переведите в простой лагерь, там проще жить и помочь можно».

Уголовника Серого о. Арсений не назвал. Посмотрев пристально на Сергея Петровича – майора, сказал: «Сергей Петрович! Приедете в Москву, сделайте все, чтобы уйти со своей работы, не нужно работать Вам в органах. Перейдите на что-то другое, а то сгорите. Увидев, что происходит здесь, стали сами другим человеком. Спасите душу свою».

Абросимов смотрел на сидящего перед ним старика и думал, что ему еще совсем не ясна его дальнейшая жизнь, а он, о. Арсений, вероятно, знает многое о его прошлой и будущей жизни. И опять воспоминания детства пришли к майору – да, такой человек, как о. Арсений, был настоящий христианин, о которых он читал когда-то.

Чувство глубокой скорби и одновременно радости охватило Сергея Петровича, он встал, подошел к о. Арсению и, волнуясь, сказал: «Встречу ли я Вас еще, не знаю, но Вы оказали на меня неизгладимое влияние. Многое я стал оценивать по-другому. Верю Вам, понимаю, почему верите, понимаю Веру Даниловну и жену свою. Все понимаю. Знаю, что все время молитесь. Не забывайте меня, Петр Андреевич, о. Арсений, не забывайте!».

Отец Арсений поднялся со стула, обнял его за плечи и сказал: «Да хранит Вас Бог, Сергей Петрович! Не забывайте людей, помогайте им, совершайте добро, где бы Вы ни были. Помогайте людям. Встретимся мы еще с Вами».

Низко поклонился и вышел. Вышел так, что Абросимов почувствовал, что не он вызывал к себе о. Арсения, а о. Арсений пригласил его к себе.

Абросимов понимал, что, пожелай этот старик выйти на волю или совершить что-то необходимое ему, – все совершится, так велика сила его духа, обогащенная и вскормленная верой.

Здесь, в «особом», совершает он свой христианский подвиг, неся людям помощь и свет, Бога ради и людей, при этом наравне со всеми неся страдания и лишения.

Страшна была работа Абросимова, тяжелым был его жизненный путь, в результате чего связь с Богом была утеряна, но встреча с о. Арсением всколыхнула его душу, заставила задуматься над многим, переоценить прошлое. Долго надо было Абросимову еще идти к Богу, но первый шаг на тропу веры он с помощью о. Арсения сделал.

Много лет спустя Абросимов рассказывал: «Возвращение мое в Москву было трудным. Все мне было отдано – и звание, и должность, – но что-то встало между моей прежней и настоящей жизнью. Много я думал и ушел с этой работы. Буду откровенен: совершил я раньше много тяжелого, страшного и, делая все это, был уверен, что все делал правильно.

Во многом помог мне и Александр Павлович Авсеенков. Помог разобраться. Осознав многое, подумал я, что нет мне прощения, но однажды Александр Павлович передал мне записку от о. Арсения – он тогда был уже освобожден, в которой были слова: «Помните и не сомневайтесь! Господь, наказующий нас за прегрешения наши, волен и отпустить нам их с присущим Ему милосердием, и нет столь тяжкого прегрешения или проклятия, которых нельзя было бы искупить делами своими и молитвой».

В дальнейшем много помог мне о. Арсений в познании веры. Конечно, не стал я таким, как многие его духовные дети, но пытался идти к Богу.

Отец Арсений, которому я часто говорил о многих своих сомнениях, колебаниях, связанных с вопросами веры и обрядов, всегда говорил мне: «При Вашем жизненном пути, долгих безыдейных скитаниях, внутренней потерянности сомнения и колебания естественны и неизбежны, но разве в этом дело – Вы поняли и ощущаете, что Бог есть, знаете путь к Нему. Верьте, и все наносное отойдет». Замечательный человек о. Арсений, настоящий христианин.

Отец Арсений возвратился в барак. Было радостно за Александра Павловича, Сазикова, Алексея, Денисова, Трифонова, они покинут «особый» и в конце концов выйдут на волю, но чувство грусти, что друзья уйдут, охватило душу.

Помощников и друзей станет меньше. Верилось, что Господь не оставит его одиноким и придут, найдутся новые люди и заменят ушедших. Вечером сообщил Авсеенкову об освобождении. Ночь провели в разговорах, утром простились. Время и дела крепко привязали Авсеенкова к о. Арсению, привязали навсегда. Отец Арсений и лагерь полностью переменили образ мыслей, восприятие окружающего и мировоззрение Александра Павловича. Попав в лагерь, хотел кончить жизнь самоубийством, стал беспомощным, безвольным, а уходил из лагеря духовно обогащенным, сильным духом, с крепкой и устоявшейся верой в Бога, человеком, понимающим человеческие страдания.

Ночью оба долго молились. Обнимая о. Арсения, Авсеенков повторял: «Не забывайте меня, о. Арсений, с Вашими, а теперь и моими, буду встречаться. Молитесь о нас». Авсеенков простился с Сазиковым и Алексеем утром, зная, что после объявления сообщения об освобождении ему не дадут вернуться в барак.

Недели через четыре внезапно вызвали Сазикова, Алексея, Денисова и Трифонова в «особый отдел», в барак они не вернулись. Заключение гадали – что случилось с ними? Майор Абросимов, а теперь генерал, сдержал свое обещание.

Жизнь продолжается

Жизнь в лагере продолжалась. Систематически привозили новых заключенных на смену ушедшим на лагерное кладбище. Смерть почти ежедневно посещала то один, то другой барак, унося с собой каждый раз новую жертву.

Завтрашний день был известен, он был голодным, изнурительным, тягостным, наполненным до предела унижениями и тяжелой многочасовой работой. Отупение, безразличие, желание близкой смерти приходили к заключенным. Отец Арсений по-прежнему продолжал жить в лагере своей обычной подвижнической жизнью.

Было тяжело без Алексея-студента, Сазикова, Авсеенкова, он полюбил их, привык к ним и опирался на них в своих делах. Появились новые люди, с которыми он сроднился, но они переводились из барака в барак, умирали или угонялись в дальние отделения лагеря, в шахты.

По-прежнему помогая окружающим, неся им добро и духовное утешение, о. Арсений был необходим для многих. Как-то получилось, что он входил незаметно в жизнь людей, помогая им, облегчая страдания, скрашивая трудности жизни, и примером своего отношения ко всему происходящему показывал, что даже жизнь в «особом» не так страшна, если за тобой стоит Бог, к Которому всегда можно прибегнуть.

Уголовник Серый тяжело заболел. Болело в области живота, обратился к лагерным врачам. Сперва дали аспирин, потом ревен, но ничего не помогало. Лечили чем попало, почти не осматривая, а потом определили запущенный рак печени и метастазы.

Серый умирал тяжело, в больницу не брали и не лечили. Боли были страшные, но приходилось передвигаться по бараку, ходить к парашам, выходить на поверку. Отец Арсений терпеливо ухаживал за Серым, старался помочь, чем мог, ходил к врачам – просил наркоз для обезболивания, но ничего не получил.

Серый был озлоблен на всех и вся, но о. Арсения принимал кротко, ждал его прихода и просил сидеть около него. Когда о. Арсений садился около Серого, тот начинал рассказывать о своей жизни и как-то забывал свои боли.

Дня за два до смерти рассказал: «Умираю и мучаюсь за дело. Много людям горя принес, погубил многих. Жизнь не с того конца начал. Каяться не хочу, столько дел в жизни наворочал, не счесть. Знаю, что простить меня нельзя, да и не для чего. Верить в Бога я почти не верю, так, больше приметы какие-то, но знаю и чувствую, что Бог есть, потому что Вы в Него верите и Им живете.

Из поповичей я. Отец дьякон был, в Бога не верил, служил по расчету, деться-то некуда было. В общем, служил, как профессионал.

Когда рос я, то видел кругом ложь и обман, водку пили, развратничали, баб хватали, над Богом и обрядами издевались и этим же Богом прикрывались. На словах одно, на деле другое. Бывало, отец из церкви после службы придет и начнет доходы считать, за водкой посылает, над верой насмехается, матерится. Рассказывает, как деньги с тарелок таскал или бабу деревенскую облапошил.

Не верил я в Бога, казалось, блажь людская. В семинарии учился, кончил – воровать начал, по тюрьмам пошел, а потом революция, беспорядки, грабежи, разгул. Грабь, режь, Бога нет, сам себе хозяин. Компания подходящая подвернулась мне, ну и началось. Сперва дела маленькие пошли, потом средние, добрался до крови человеческой, где уж остановиться!.. Так и пошло, о. Арсений.

Много я ее, кровушки, пролил. То о новом деле думаешь, то в загул с бабами попадешь, то от тюрьмы бегаешь. Времени-то не было вспомнить есть Бог или нет. По правде говоря, и думать о Нем не хотелось. Вас в лагере встретил подумал, что юродствуете или хотите выгоду какую-то извлечь. Но увидел, как дружку моему Серафиму Сазикову и чекисту Авсеенкову

Александр Павловичу душу перевернули, понял: искренне верите в Бога, и сам понял, что Бог, конечно, есть, ведь недаром в церковь, где отец дьяконом служил, народ валом валил. Видел я все это, когда мальчишкой еще в храме прислуживал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.